

PSlav318.10

ZHURNAL' MIN. PROSV.

ЖУРНАЛЪ

= 159 "

МИНИСТЕРСТВА

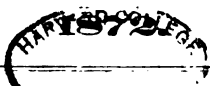
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

159
ЧАСТЬ СЛІХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, домъ № 15.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO
(Russia)

МЫСЛИ О РЕАЛИЗМЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

Давнишняя и слишкомъ извѣстная истина,—что самый трудный и самый важный предметъ изученія для человѣка есть человѣкъ, а самое важное въ человѣкѣ есть та дѣятельность, источникомъ коей служатъ его психологическія потребности и побужденія. Извѣстно также, что существуютъ два способа изученія вещей, прилагательные равно и къ человѣку: одинъ слѣдитъ за ихъ развитіемъ, другой стремится по возможности проникнуть до самыхъ началъ, управляющихъ этимъ развитіемъ. Принадлежа къ области философіи, послѣдній, безъ сомнѣнія, находится въ тѣсной связи съ первымъ.

Литература изящная, какъ самая богатая отрасль искусства, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій человѣческаго духа. Обсуживаніе ее съ философской точки зрѣнія составляетъ потребность науки, точно также какъ оно составляетъ необходимое условіе здоровой и основательной критики тамъ, гдѣ литература и наука одинаково получила уже права гражданства, и гдѣ ихъ понимаютъ въ строгомъ и серьезномъ смыслѣ.

Но философское изслѣдованіе и критика изящной литературы невозможны, если мы не признаемъ за нею права на извѣстную долю самостоятельности и не отстранимъ отъ нея тѣхъ притязаній, которыя силятся съ разныхъ сторонъ подорвать ея личное, такъ-сказать, значеніе и затемнить ея своеобразный характеръ. Такъ, многіе принимаютъ за неоспоримую истину, что литература есть не болѣе, какъ выраженіе извѣстныхъ настроеній общества въ данную эпоху, и что достоинство ея опредѣляется единственно мѣрою, въ какой она соотвѣтствуетъ этимъ настроеніямъ. Вѣроятно, здѣсь смѣшивается литература художественная съ литературою газетною или такъ-называемою публицистическою, которая, схватывая на лету текущія явленія общественной жизни, существуетъ единственно интересами дня и можетъ быть дѣйствительно названа выраженіемъ общества въ разные

моменты его движенія. Но совсѣмъ другое дѣло—литература въ видахъ болѣе широкихъ и устойчивыхъ, въ болѣе синтетическомъ настроеніи, литература обобщеній, гдѣ духъ человѣческой предусматриваетъ верховный законъ жизни, ищетъ его въ идеѣ гармоніи, полноты и совершенства вещей и эту идею стремится осуществить въ изящныхъ свободнотворческихъ созданіяхъ, — словомъ, литература художественная. Желаніе, выше жизни нѣтъ ничего; для художественнаго творчества, а слѣдовательно, и для литературы, нѣтъ инаго поприща, иной задачи и цѣли, какъ она. Но жизнь не исчерпывается ни однимъ изъ извѣстныхъ положеній общества; они составляютъ только частныя и преходящія проявленія ея. Искусство понимаетъ жизнь шире, глубже и многостороннѣе; оно преслѣдуетъ ее и въ тѣхъ таинственныхъ глубинахъ духа, гдѣ будущія явленія общественности еще дремлютъ въ своихъ зародышахъ, или гдѣ стихіи ихъ слагаются то въ величавые, то въ граціозные, своробные и отрадные образы, которымъ, можетъ быть, не суждено осуществиться вполне, но которые тѣмъ не менѣе принадлежатъ жизни на столько, на сколько они сродняются съ внутреннимъ міромъ мыслящихъ и чувствующихъ созданій. Пользуясь доступностію и эстетическимъ, для всѣхъ приятнымъ свойствомъ формъ художественной литературы, многіе дѣлаютъ изъ нея служебное орудіе различныхъ такъ-называемыхъ практическихъ цѣлей и забываютъ, что самое содѣйствіе, котораго они домогаются для достиженія этихъ цѣлей, предполагаетъ въ ней какую-то особенную ей одной или преимущественно ей свойственную силу и заслуживаетъ также особеннаго вниманія и изученія.

Мы сейчасъ упомянули о литературѣ публицистической, но спѣшимъ къ этому прибавить, что сопоставляя съ нею литературу художественную, мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы возвысить послѣднюю на счетъ первой. Всякое разумно необходимое дѣло почетно въ своей сферѣ. Высшіе принципы разума, свободы и блага, во имя которыхъ подвизаются наука, искусство, и къ которымъ обращено внутреннее, никогда не уничтожающееся инстинктивное стремленіе людей, витаютъ въ нихъ болѣе или менѣе чистомъ стихійномъ образѣ далеко впереди отъ насъ, въ пространствѣ безконечнаго. Они составляютъ и будутъ всегда составлять нѣчто вѣчно искомое или чаемое. Общество не проникается и не въ состояніи проникнуться ими всецѣло и безпримѣсно. Элементы и силы, въ немъ господствующіе, столь разнообразны и измѣнчивы, столь противоположны другъ другу, что нѣтъ никакой возможности подчинить ихъ безусловно закону тѣхъ гармоническихъ

соотношеній и того единства, на которые разумъ указываетъ какъ на высшія, всеобъемлющія истины человѣчества; слѣдующіе одинъ за другимъ цѣпью, гдѣ до извѣстной степени онѣ постепенно проясняются въ сознание людей, состоятъ изъ совокупности цѣльныхъ и многихъ вѣковъ. Общество не можетъ отрицать этихъ истинъ, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы отрицать свою человѣчественность и свое будущее. Тамъ почіють его вѣрованія во все лучшее, убѣжденія, укрѣпляющія его духъ, и мотивы его міросозерцанія. Но общество состоитъ изъ живыхъ созданій, связанныхъ съ моментами вѣчно текущаго времени. У жизни есть свои неизбѣжныя, принудительныя, неотклонныя вопросы не вѣковъ, а годовъ, дней, часовъ. Общество коллективно мыслить о самыхъ насущныхъ текущихъ дѣлахъ: оно чувствуетъ, страдаетъ, радуется, волнуется страстями, любитъ, ненавидитъ, словомъ, — живетъ. Того, чтѣ вчера его возбуждало, сегодня можетъ не быть, но оно было, и его переживали. Непрерывное сознание всего этого испытываемаго, переживаемаго даетъ извѣстное настроеніе обществу, образуетъ то, чтѣ называютъ его духомъ, мнѣніемъ. Мнѣніе въ словѣ получаетъ осязательную мощь, довершается и становится существеннымъ, необходимымъ двигателемъ дѣлъ и событій. Безмолвіе въ такомъ случаѣ равнялось бы безмолвію могилы. Въ обществѣ неразвитомъ выраженіе его внутреннихъ состояній едва обозначается въ отрывистомъ изустномъ словѣ; въ обществѣ развивающемся оно принимаетъ характеръ непрерывнаго и послѣдовательнаго проявленія мыслей и образуетъ цѣлую литературу, слѣдующую за всѣми движеніями общественнаго духа, и служитъ органомъ его повседневныхъ потребностей и стремленій. Не такъ давно на нашихъ глазахъ у насъ создавалась такая литература, и въ короткое время она успѣла уже оказать огромныя услуги обществу. Ей обязано оно правильною постановкой, разъясненіемъ и формулированіемъ многихъ важныхъ вопросовъ, возникшихъ изъ поступательнаго движенія и благотворныхъ реформъ нашего времени. Она указываетъ на отношеніе этихъ вопросовъ къ высшимъ государственнымъ цѣлямъ, возбуждаетъ и поддерживаетъ въ умахъ участіе къ дѣламъ общественнымъ, и она же наше національное достоинство стремится мужественно охранять отъ грубыхъ враждебныхъ посягательствъ иноземныхъ своекорыстій и непріязней. И сколько разъ она служила камнемъ преткновенія для посягательствъ всякой неправды и произвола, разоблачала до нага злоупотребленія, привыкшія гнѣздиться въ таинственныхъ убожищахъ нашихъ старыхъ дѣловыхъ порядковъ!

Такова несомнѣнная заслуга литературы, бодрствующей надъ текущими повседневными интересами общества. Бываютъ моменты общественнаго движенія, когда потребность въ ней становится особенно ощутительною. Но въ системѣ человѣческой жизни нельзя отдѣлять одной потребности отъ другой, распорядясь ихъ удовлетвореніемъ какъ-бы въ какомъ-то хронологическомъ порядкѣ, склоня всѣ силы къ одной, и потомъ по очереди переходя къ прочимъ, какъ нельзя въ живомъ организмѣ въ пользу одного отправления исключать остальные. Общество, достигшее сознанія въ себѣ нравственныхъ началъ, не можетъ безнаказанно потерять изъ виду ни одного изъ нихъ, и то, въ чемъ наиболѣе оно повидимому нуждается въ данную минуту, невольно указываетъ ему на необходимость согласоваться съ чѣмъ-то болѣе отдаленнымъ и болѣе глубокимъ. Когда слово каждый жизненный вопросъ, занимающій общественное мнѣніе, стремится въ видахъ интересовъ самого общества, очистить отъ мелкихъ страстей и эгоизмовъ, общеновенно искажающихъ человѣческія начинанія, то оно призываетъ на помощь себѣ общія высшія истины человѣчества. Слово вѣрить въ идеи общаго блага, требующаго пожертвованія личными пользами, въ патриотизмъ, въ справедливость, въ честь и честность, оно вызываетъ къ благороднѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы, вноситъ свои требованія, такъ-сказать, въ самое святилище лучшихъ нашихъ наклонностей и побужденій, возвышается и стремится возвысить общественный духъ до идеаловъ благоустроеннаго обществія, правъ и счастья людей. Значить, въ человѣкѣ есть то, что мы называемъ его высшимъ призваніемъ, есть чувствованія и силы, подъ защиту которыхъ онъ прибѣгаетъ всегда, когда назкія животныя наклонности готовы возобладать надъ нимъ и поработить его себѣ исключительно. Изучая человѣка со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ направленіяхъ его жизни и развитія, мы поступили бы неразумно и нечестно, не посвятивъ значительной доли нашихъ изысканій этимъ чувствованіямъ и силамъ, а между ними эстетическое чувство и силы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Всякое отправление въ человѣкѣ, стремясь къ общей цѣли его существованія, отличается своимъ специальнымъ назначеніемъ, и только повинувась ему, оно содѣйствуетъ достиженію этой общей цѣли. То же самое слѣдуетъ сказать и объ эстетическомъ чувствѣ, которое не отрѣшимо отъ цѣлостности нашего духа и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что оно есть. Вотъ гдѣ заключается основаніе искусства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основаніе изящной литературы, какъ важнѣйшей изъ его отраслей, и потому

было бы не согласно съ требованіями науки о человѣкѣ смѣшивать ее съ явленіями, предназначенными другимъ образомъ содѣйствовать жизни цѣлаго.

На этомъ основаніи въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ произведеній художественной литературы мы должны принимать въ соображеніе не только вліяніе, какое она испытываетъ отъ среды и окружающаго положенія вещей, духа времени и народа, но и тѣ требованія, какія она должна выполнить по отношенію къ условіямъ ея собственной задачи.

Мы вовсе не защитники ученія объ „искусствѣ для искусства“, въ отвлеченномъ смыслѣ. Ученіе это кажется намъ столько же страннымъ, какъ если-бы кто сталъ утверждать, что ѣда существуетъ для ѣды. Искусство имѣетъ свою задачу, какъ наука свою. Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, что задача эта состоитъ въ отчужденіи отъ историческаго хода вещей; въ индифферентизмѣ къ различнымъ положеніямъ человеческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ можно ли серьезно думать, что въ человеческой производительности совершается что-нибудь оковчательно для себя, а не для человѣка? Но какъ было бы противуестественно требовать отъ глаза, чтобы вопреки своему устройству и назначенію, онъ возбуждалъ въ насъ ощущеніе не свѣта, а напримѣръ, запаховъ, или теплы и холода, такъ точно отъ искусства нельзя требовать, чтобы вмѣсто эстетическихъ возбужденій, оно стремилось разрѣшать вопросы промышленные, социальныя, дидактическіе и т. п. Свѣтъ, за который мы обязаны глазу, есть высшее благо для насъ самъ по себѣ, независимо отъ услугъ, какія оказываетъ онъ намъ въ другихъ отношеніяхъ, и всѣ эти услуги, если ихъ желаютъ, возможны единственно на столько; на сколько люди способны ощущать самое дѣйствіе свѣта. Такъ, изящное, выражающееся въ искусствѣ, само по себѣ есть источникъ благотворнѣйшихъ на человѣка вліаній. Но съ другой стороны, отъ того, что искусство не должно быть игрой лицомъ безиррегулярно смѣняющихся настроеній среды и минуты, отъ того что оно не бросаетъ въ ихъ мутныя волны своего права на извѣстную долю самостоятельности, оно тѣмъ не менѣе и содержаніемъ своихъ созданій и отчасти формами ихъ подлежитъ закону совокупныхъ общихъ причинъ, которыми опредѣляется поступательный ходъ человеческой образованности.

Прежніе взгляды на искусство и на художественную литературу въ наши дни подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Но напрасно опасаться, что эти измѣненія угрожаютъ имъ упадкомъ. Въ сущности

они не устанавливаютъ никакого опредѣленнаго начала; это не иное что, какъ тревожныя колебанія времени, охватывающія не одну область искусства и литературы, а всю человѣческую дѣятельность, колебанія, которыя отражаются болѣе въ ихъ низшихъ слояхъ, и не достигаютъ вершинъ, до центра истиннаго художественнаго творчества. Естественныя силы вещей не измѣняютъ своему назначенію, и перевѣсъ каждаго-нибудь извѣстнаго направленія въ наукѣ и искусствѣ въ данную минуту есть только призывъ къ болѣе точному разъясненію тѣхъ основныхъ истинъ, отъ которыхъ на время оно повидимому уклоняется.

Въ исторіи человечества выподняется одинъ изъ великихъ, міро-державныхъ законовъ, который можно назвать *зкономъ всеобщихъ кризисовъ*. Когда общества, стоящія во главѣ историческаго движенія, достигли извѣстной степени развитія, когда въ опредѣленный циклъ они изжили все содержавшееся въ началахъ, давшихъ бытію ихъ извѣстный характеръ и устройство, тогда неизбежно, хотя и постепенно, настаетъ моментъ преобразованія, моментъ обновленія, если они способны къ дальнѣйшему развитію, слѣдовательно, моментъ господства новыхъ началъ, которыя должны послужить источникомъ иного направленія жизни и иныхъ ея проявленій. Удовлетворительныя или нѣтъ для нашихъ видовъ эти преобразованія и обновленія, — не въ этомъ дѣло; дѣло въ томъ, что человечество жизнію своею не можетъ оставаться на долго позади своихъ естественныхъ стремленій и безпрестанно возбуждающей его производительной силы. Иначе міръ никогда не увидѣлъ бы паровыхъ машинъ, воздушной почты, подводныхъ телеграфовъ и т. п. Одинъ изъ такихъ всемірныхъ кризисовъ переживается въ наше время. Онъ важнѣе другихъ, совершившихся въ разные періоды, и его можно сравнить только развѣ съ тѣмъ кризисомъ, когда древній классическій міръ, изнемогая въ предсмертныхъ томленіяхъ, передавалъ наслѣдіе своей образованности, для увеличенія его новыми пріобрѣтеніями, міру христіанскому. Извѣстно, что начало современному кризису сознательно положено въ XVIII вѣкѣ, когда все яснѣе и яснѣе становилась невозможность продолжаться гражданственности и образованію на тѣхъ началахъ, которыя служили имъ опорой столько вѣковъ. Народы первенствующіе не могли идти далѣе впередъ, не сбросивъ съ себя накопившихся на нихъ грубыя и полусгнившихъ остатковъ прошедшаго. Естественно надлежало возникнуть мысли, и она возникла, о всестороннемъ контролѣ и пересмотрѣ всего, что до сего времени было признаваемо за разумно-руководящее и необходимое.

И вот: на долю нашего века выпала эта обязанность окончательного переосмотра: всеобщего думалось тогда - либо, пришлось и установить лес в познании образованного человечества, все, что до сих пор вало и что возобновилось сердца. Разные ученые; разные школы; различные направления; различные самодоброды, авторитеты, доверенные лица, стали подвергаться допросу. В этих процессах и принужденно всеобщего правосудия свою историю, которая уже до сих пор, кажется, привела к заключению: не была ли исключительно потребностью и необходимостью результатов времени, а не насильно или она применяет себя право быть несправедливой и несправедливой. Никогда еще в истории не являлось мысли бога стальной с танями всезаключившими притворными, и когда притворны не обманывали такими обманчивыми последствиями.

Логично однако и правосудие человеческого духа требовать оснований для решения о том, что в силу всеобщего переосмотра должно быть изменено, переработано или вовсе устранено. Оснований этих, конечно, надобно искать в фундаментальных знаниях, которое преимущественно в том числе философии. От его участия, от его добротности, притворности и неоспоримости зависят законность и условия всех теоретических, так и практических умозаключений. Не самое знание нуждается в критерии для определения степени его достоверности: таков критерий найдешь в очевидности знания. Чему можно довериться основательно, или что можно подтвердить, то истинно в знании, и тому принадлежит право руководить умом в развитии всех жизненных вопросов, в вопросах науки и искусства. На что можно не может отвечать, или что выводит из его видения, то переосмотр или отбрасывать в сторону как вещь, которая существует, но несущественную, или налагать на нее такое клеймо, с которым ей уже и не следует заниматься в мире, объявляя ее из новизны элементарной. Очевидности знания, а именно знания к предметам знаний в кругу вещественного мира, поражают нас своими счастливыми результатами в том, что касается внешнего положения человека. Они возбуждают надежду на успех в тех же методах в переосмотре понятий и учений и относительно области духовной. Но тут встретились неодолимые трудности. Ничего нельзя сказать о существовании, как руководствоваться очевидностями знания в суждениях о предметах также очевидных, материальных; но как применить это начало к предметам, недоступным непосредственному восприятию, к предметам, не поддающимся внешнему опыту? Если отступить в сторону

какъ это и дѣлаютъ, вопросы такъ - называемые метафизическіе о мірѣ сверхъчуждественномъ, то все же останется еще обширная область, недоступная физическому опыту и однако же требующая настойчиво рѣшеній или вынуждающая извѣстнаго рода опредѣленнаго воззрѣнія, область психологическая, гдѣ человекъ особенно и является человекомъ. Самонаблюденіе, или внутренний опытъ, какъ дѣйствіе субъективное, не представляетъ тѣхъ ручательствъ успѣха, какихъ мы обыкновенно ожидаемъ отъ опыта внѣшняго въ его различныхъ видахъ и примѣненіяхъ. Да и много ли, при всей своей пронизательности, устойчивости, и такъ сказать безличіи, можемъ мы увидѣть сами въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ собственныхъ внутреннихъ движеній, бывъ притомъ отвлекаемы безпрестанно и обременены текущими дѣлами внутренняго самоуправленія, борьбою за существованіе, тысячами равныхъ случайностей, гдѣ намъ не до наблюденія, словомъ, гдѣ интересы момента, интересы самой жизни поглощаютъ все наше вниманіе, всю нашу душу?

Не смотря на это, въ инстанціи, присвоившей себѣ право не только всеобщаго пересмотра и контроля, но и всевозможныхъ реформъ, положено, какъ говорится, не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и рѣшить теперь же трудную и едва-ли когда-либо разрешимую задачу объ основаніяхъ психической жизни помощью того же критеріума, который принять ею относительно предметовъ матеріальныхъ. А такъ какъ при допущеніи разнородности явленій духовныхъ и физическихъ нельзя было бы примѣнить его къ первымъ, то положено считать все совершающееся въ области психической за продуктъ той же матеріи, только болѣе утонченнаго свойства; и мысль, и воля, и чувство должны подлежать однимъ и тѣмъ же законамъ химическимъ, физиологическимъ и механическимъ, а слѣдовательно, одному и тому же способу научнаго наблюденія и изученія. Материализмъ такимъ образомъ распорядился отъ имени науки просто и нецеремонно болѣею частию драгоценнѣйшихъ интересовъ и правъ человечества; и человекъ въ глазахъ его оказывается не болѣе какъ весьма сложнымъ инструментомъ, на которомъ природа развѣприваетъ свои фантазіи для собственной потѣхи.

Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такого "пересмотра" человеческихъ дѣятельностей и точки зрѣнія, какую оны на нихъ устанавливаетъ на всѣ нравственныя и эстетическія требованія, должно послѣдовать отказъ и наложено запрещеніе. Тутъ о литературѣ художественной и вообще объ искусствѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ

счастію, подобное рѣшеніе не есть окончательное и не можетъ быть для нашего сознанія и чувства обязательнымъ; на него можно аппелировать. Въ быту человѣческомъ существуетъ высшая инстанція всеобщаго разума, въ которой предсѣдательствуетъ *общественное мнѣніе* въ обширномъ и глубокомъ его значеніи, а членами служатъ представители *человѣчества* — лучшіе его инстинкты, здравый смыслъ, вѣра въ добро, вѣра въ правоту и свободу. Приговоры этого трибунала, конечно, не всегда исполняются скоро и безостановочно; однако, что равъ онъ постановилъ на основаніи твердо установившихся всеобщихъ разумныхъ убѣжденій, то имѣетъ силу закона даже для тѣхъ, которые привыкли ставить себя выше всякаго закона или считать за единственный законъ свою волю или свои любимыя тенденціи. Этотъ то всѣми въ глубинѣ души ощущаемый законъ отвергаетъ ученіе о духѣ *человѣческомъ*, провозносящее о немъ рѣшительный приговоръ на основаніи физическихъ, химическихъ и механическихъ опытовъ, которые смѣшиваютъ отравленія желудка съ творческими замыслами; передвигаютъ Мадонну Сикстинскую, Гамлета, Фауста; словомъ, отвергаетъ ученіе, усиливающееся во что бы то ни стало низвести *человѣка* до умнаго, смышеннаго животнаго.

Все это, конечно, не болѣе, какъ доведенная до крайнихъ предѣловъ реакція противъ высокопарныхъ провозглашеній прирожденнаго величія *человѣка*, царственнаго положенія его во вселенной и т. п. Прирожденное величіе это и царственное положеніе предъ строгимъ и правдивымъ судомъ исторіи оказалось такого сомнительнаго свойства, что наука пришлось съ ними считаться серьезно и отрезвлять умы отъ смѣшныхъ самообольщеній, напускаемыхъ на нихъ разнаго рода идеологами и спиритуалистами. Но реакція все-таки въ своихъ крайностяхъ остается неправою, какъ всякая реакція. Какъ бы ни были велики несовершенства *человѣческой* природы, и какъ бы ни были ограничены наши познанія о ней, но неоспоримо то, что она составляетъ въ общей природѣ особенный удѣлъ, гдѣ расправляются другія силы, и гдѣ господствуютъ другіе законы, а не законы матеріи.

„Всеобщій пересмотръ и контроль нашего времени“, покровительствуемый и сопровождаемый наукой; одобряя мудрый скептицизмъ отбисительно рѣшительныхъ приговоровъ о *человѣкѣ*, возстаетъ однако не противъ спеціальнаго значенія и законовъ его природы, а противъ умственного произвола, который обходитъ эти законы и создаетъ для жизни цѣлѣ системы изъ своихъ априорическихъ гаданій

помнимо внушеній и указаній самой жизни. Образованности, всѣмъ дѣятельностямъ человѣческимъ нужны твердыя опоры, и умы серьезные, основательные находятъ ихъ на почвѣ дѣятельности. Отсюда и возникаетъ мысль о такъ-называемомъ *реальномъ* направленіи, охватывающемъ, вѣкъ нашъ со всѣми существеннѣйшими его интересами и задачами. Изысканная литература также по видимому подчинилась этому направленію. Но самое понятіе реализма достаточно ли разъяснено? Главный вопросъ состоитъ въ томъ, считать ли реальное за одно съ дѣйствительнымъ? Отвѣтъ на это, безъ сомнѣнія, не можетъ быть иной, какъ утвердительный. Весьма естественно и справедливо противоположать дѣйствительное мнимому, существующему только въ понятіяхъ, но не способному существовать по законамъ разума и природы, не выдерживающему строгихъ испытаній науки, фактастическому: реализмъ и выражаетъ въ себѣ эту противоположность. Но есть крайніе реалисты, которые сворачиваютъ съ прямого пути, и задавшись неправильною мыслью о дѣйствительности, становятся въ ложное положеніе относительно важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества. Они за дѣйствительное признаютъ только то, что доступно нашей чувственности, въ чемъ они видятъ разрѣшеніе исключительно благопріятное для интересовъ матеріальныхъ. Настоящая дѣйствительность въ ихъ глазахъ есть не болѣе, какъ внѣшняя сторона жизни. Но это грубая ошибка. Жизнь представляетъ намъ двѣ стороны: одну, гдѣ господствуютъ законы матеріальные, и другую—гдѣ мысль и свобода, подчиняясь этимъ законамъ, то борясь съ ними и часто возвышаясь надъ ними, устанавливаютъ иную человѣческую дѣйствительность и даютъ жизни характеръ уже не внѣшній только или матеріальный, но внутренній, умственный, нравственный и эстетическій. Между реализмомъ, обнимающимъ дѣйствительность въ широкомъ смыслѣ слова, и тѣмъ, который видитъ въ ней только одну внѣшнюю вещественную сторону, огромная разница. Дѣйствительность отличается достоверностію, и послѣдняя служитъ ручательствомъ первой. Но достоверность не заключается только въ томъ, до чего можно дотронуться рукой, или что можно обнять глазомъ. Есть достоверность факта, но есть и достоверность идеи, внутреннего чувства, умозаключенія, одирающаяся даже на весьма отдаленныхъ данныхъ. Есть наконецъ первоначальная достоверность, достоверность достоверностей, непосредственная, предшествующая всякой другой—это довѣріе нашего сознанія къ самому себѣ, дѣлающее для насъ возможными всякое познаніе и убѣжденіе. Оно-то выражаетъ себя въ

столь же существенныхъ, важныхъ и очевидныхъ свойствахъ и явленіяхъ, какъ и все прочее въ физической природѣ, хотя ихъ и нельзя объяснить такъ, какъ допускаетъ объяснять себя носѣдняя. Въ качествѣ разумаго дознанія полной, а не частной удѣльной, тѣсной дѣйствительности, реализмъ не въ состояніи ихъ отвергнуть; онъ можетъ отвергать ихъ только тогда, когда они упираются до точки зрѣнія материализма, но тогда онъ уже извращаетъ самого себя или суживается, становится мелкимъ и пошлымъ. Потому-то истинный реализмъ столько же противоположенъ материализму, сколько и всему чисто абстрактному и фантастическому. Реальное знаніе, реальная истина есть не иное что, какъ сама жизнь во всемъ разнообразіи ея проявленій и законовъ, воплощая въ мысль; и мысль имѣетъ реальное значеніе, когда она обращена на предметы физической и нравственной природы, и когда въ ней, а не въ фантастическихъ субъективныхъ предположеніяхъ, она ищетъ удовольствія, своимъ стремленіямъ. Она обнимаетъ въ этомъ направленіи равно всѣ дѣятельности и силы, будь онѣ видны и осязательны какъ тѣло, или неудобны для видѣнія, чувствъ, какъ моменты нашихъ желаній или рѣшенія нашей воли.

Такимъ образомъ, истинные реалисты въ правѣ сказать, что они не устраняютъ никакихъ возвышенныхъ стремленій и вѣрованій человеческого духа. Они требуютъ только это: насъ, чтобы мы не расточали умственныхъ силъ своихъ въ безплодную борьбу понятій и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣли въ виду живые, опредѣленные результаты, чтобы мы были настоящими дѣятелями, строителями великаго, человеческого порядка вещей, а не легкомысленными праздыми изобрѣтателями грезъ и призраковъ, не лишенными своего рода логики, но лишенными всякой логики вещей и дѣблѣй; а потому чуждыми міру. Власть разума уничтожаетъ обаяніе и грезъ фантазіи; но въ заливѣ ихъ, стремясь въ истиннѣ, разумъ въ глубинахъ дѣйствительности выдвигаетъ общенія, идеи, и отрицая чернилу, она осмысливается, возвышается реальное до идеала.

Реализмъ общенно противопоставляютъ идеализму. Различіе между двумя этими направленіями духа существуетъ, какъ существуетъ различіе между центробѣжнымъ и центростремительнымъ движеніемъ одной и той же силы; но противоположность между ними начинается только тамъ, гдѣ идеализмъ въ качествѣ центробѣжнаго направленія, выпадаетъ въ крайность и подвергается опасности исчезнуть въ безвѣчномъ пространствѣ вопреки закону, ограничиваю-

щѣму его поползновенія, какъ и все конечное. Человѣкъ не въ правѣ считать каждый разъ представляющуюся ему дѣйствительность совершенно законченною, далѣе которой мысль его уже простираться не должна. Въ этомъ законѣ заключается одно изъ важныхъ преимуществъ его природы. То, что онъ знаетъ, далеко не все, что онъ можетъ со временемъ узнать, или чего и совсѣмъ не узнаетъ, но что тѣмъ не менѣе составляетъ предметъ неутомимыхъ исканій и усилій для существа, которое разъ вкусило отъ древа познанія добра и зла. Тамъ, гдѣ ему недостаетъ познанія единичныхъ вещей, или гдѣ вещи теряются въ отдаленномъ сумракѣ, тамъ возникнетъ въ немъ побужденіе ставить на мѣсто ихъ свои гаданія, апіористическія понятія. Это простой и естественный ходъ мысли, которой законъ — развѣиваться до крайнихъ предѣловъ. Такая широта умственнаго размаха и свободы ведетъ, безъ сомнѣнія, ко многимъ злоупотребленіямъ и ошибкамъ; однако не можетъ же мысль поэтому отказаться вовсе отъ покушеній стать на высшую точку міросозерцанія. Если бы въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, ради своего успокоенія, она обратилась вспять или замѣнулась въ тѣсные предѣлы одного видимаго и ощущаемаго, то въ другихъ она была бы за то сугубо наказана, какъ тотъ евангельскій рабъ, который зарылъ въ землю данный ему талантъ изъ опасенія не угодить своему господину.

Но не въ одномъ безотчетномъ апіористическомъ стремленіи вдалѣ за предѣлы вещей заключается начало и отличительное свойство идеализма. Мысль находится въ связи съ природою и съ многоразличными потребностями человеческими, и обязана примѣняться къ одной и къ другимъ, следовательно, обязана знать и уважать ихъ законы. Итакъ, пускай реализмъ сдерживаетъ идеализацию изъ-за весьма основательныхъ и естественныхъ опасеній быть свидѣтелемъ произвольныхъ и фантастическихъ построеній; пускай, съ этой стороны, и совсѣмъ обходитъ ее, какъ нѣчто способное повредить существенному дѣлу человеческого образованія. Но въ идеализмъ есть другая сторона, которой реализмъ не можетъ не уважать, и въ которой оба эти направленія духа совпадаютъ и дѣйствуютъ за одно для высшихъ цѣлей человѣчества. Мы говоримъ о *синтетическомъ* принципѣ духа, который не одно съ апіористическими поползновеніями, и который играетъ такую важную роль въ идеализмъ — говоримъ о принципѣ *высшихъ обобщеній*, — гдѣ то, что мы видимъ разрозненнымъ въ дѣйствительности, является соединеннымъ въ идеѣ. Если эта разрозненность, доведенная до индивидуализма, и составляетъ соб-

ственно наличную, живую дѣйствительность, или реальность, какъ понимаютъ ее нѣкоторые, то вѣрно то, что такія разрозненности, съ другой стороны, естественно сводятся къ нѣкоторымъ центральнымъ пунктамъ, указывающимъ на единство вещей, на единѣ, и вотъ же законъ жизни и развитія, словомъ, на цѣлостность всего существующаго. Въ данномъ случаѣ реализмъ можетъ сомнѣваться въ цѣнности составившихся представленій о единствѣ, но еще не въ состояніи отрицать необходимости самого принципа этихъ представленій, другими словами, не можетъ не признать процесса обобщеній. Да и самый важный актъ мышленія, понятіе, развѣ не есть также обобщеніе? Общности господствуютъ надъ частностями, какъ высшій законъ господствуетъ надъ низшими, второстепенными, или отдаленными причинами надъ ближайшими. Въ видѣ объектовъ, они суть сосредоточенія или совокупности явленій, связанныя между собою одними и тѣми же условиями жизни и развитія; въ смыслѣ субъективномъ, они суть идеи и идеалы. Между обобщеніями, которыми достигается связь, гармонія, всецѣлость въ дѣйствительности, и тѣми, которыя возникаютъ въ душѣ въ качествѣ идей и идеаловъ, существуетъ тѣсное соотношеніе, безъ чего лежала бы великая и непроходимая бездна между устройствомъ міра и человѣческой разумностію. Вѣдь только въ этомъ соотношеніи или согласованіи объективнаго начала съ субъективнымъ и заключается возможность разумнаго объясненія того, что человѣкъ можетъ и долженъ себѣ объяснять, смыслъ и законъ всякаго существованія. Какъ жизнь представляется намъ въ постепенностяхъ своихъ проявленій, такъ и самый процессъ обобщеній имѣетъ свои степени. Начинаясь въ тѣснѣйшихъ сферахъ, покоящихся на очевидныхъ данныхъ, цѣпь ихъ постепенно удлиняется, уходитъ вверхъ, какъ-бы слѣдуя за стремленіями духа къ высшему единству, захватываетъ все большія и большія пространства существующаго, пока, наконецъ, мы не потеряемъ изъ вида вещей, къ которымъ прикрѣплены ея первоначальныя звенья, и разумъ не очутится въ присутствіи грознаго, всеобъемлющаго и всеподавляющаго безконечнаго. Съ обобщеніями нашими происходитъ то же, что съ телескопическимъ разсматриваніемъ небесныхъ тѣлъ. Простираясь далеко за предѣлы нашей солнечной системы, мы въ стекла телескопа усматриваемъ новыя солнца, новыя планеты. Къ нимъ по аналогіи астрономъ прилагаетъ законы тѣхъ же соотношеній, какія открыты имъ въ ближайшей къ нему области вселенной и такимъ образомъ обобщаетъ свои выводы о цѣломъ планѣ міроустройства. Но наконецъ и для астронома, вооруженнаго самыми

сильными оптическими приборами, настаетъ рубежъ, за которымъ онъ уже ничего не видитъ, кромя безконечнаго пространства и туманныхъ пятенъ. Очевидно, что обобщенія имѣютъ не одинаковое значеніе для насъ. Одни изъ нихъ, опирающіяся на ближайшихъ къ нашему опыту данныхъ, суть не иное что, какъ выраженіе законовъ, господствующихъ надъ совокупностію явленій; есть другія, въ обширномъ горизонтѣ которыхъ вещи уже не усматриваются непосредственно, но куда по смежности ихъ области съ предыдущею, считается возможнымъ перенести силу тѣхъ же законовъ, какіе подмѣчены въ низшихъ сферахъ, и распространить ихъ влияние на другія, болѣе отдаленныя сферы. Если мы должны останавливаться и не заходить слишкомъ далеко въ одну изъ низшихъ аналогическихъ соображеній и выводовъ, то изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы всѣ другія были незаконны и для насъ не нужны и бесплодны.

Наука и искусство равно имѣютъ дѣло съ обобщеніями. Безъ обобщеній наука распадается на безчисленное множество разностей, фактовъ, лишенныхъ единства и смысла, исчезаетъ въ подробностяхъ, не приходя ни къ какому опредѣленному результату; искусство низпадаетъ до степени бездушнѣйшей механической копировки, до такъ-называемаго подражанія природѣ въ самомъ тѣсномъ и пошломъ значеніи слова. Различаются ли по содержанію и по своимъ послѣдствіямъ обобщенія науки и искусства? Наука доходитъ въ нихъ до классификаціи вещей и указываетъ на свойства, отличающія одинъ рядъ ихъ отъ другихъ. Искусство видитъ тѣ же свойства въ послѣднихъ, какія признаны наукою. Съ этой стороны обобщенія науки и искусства не разнятся между собою ничѣмъ. Что наука находитъ въ рядовомъ понятіи дуба или березы, то находитъ въ нихъ и искусство. Но употребленіе, какое дѣлаютъ изъ обобщеній та и другое, не одинаково. Наука не творитъ, а открываетъ то, что содержится въ сотворенномъ. Искусство, обладающее могуществомъ злѣющей фантазіи, перетворяетъ, такъ-сказать, сотворенное. Для науки въ обобщеніяхъ заключается законъ, предъ которымъ она почтительно преклоняется, не дерзая подвергать его какимъ-либо измѣненіямъ, а только дѣлая изъ него послышку для вывода другихъ законовъ; для искусства въ нихъ содержится зародышъ и основаніе живаго созданія—идеала: ибо мыслительностію не исчерпывается дѣятельность духа. Тамъ, гдѣ мысль достигаетъ своей цѣли въ совершившемся процессѣ обобщенія, тамъ возникаетъ другое, творческое стремленіе, стремленіе осуществить въ обобщеніяхъ наши чаянія, наши виды на жизнь въ новыхъ формахъ

и явленіяхъ; удовлетворяющихъ независимому, личному; такъ сказать, человеческому прѣсозерцанію, — словомъ, возникаетъ процессъ идеализаціи. Въ наукѣ господствуютъ разумъ и необходимость, а не свобода. Искусство тѣмъ именно и превосходитъ всѣ другія формы и проявленія человеческой дѣятельности, что оно въ своихъ созданіяхъ сочетываетъ два великіе атрибута человечественности — разумность и свободу, что, какъ извѣстно, даже и немногія достигается въ практической сферѣ, гдѣ разумное часто бываетъ несвободно, а свободное неразумно. Строгая совѣстливость, ответственность съ законами существующаго порядка вещей въ природѣ, при самомъ возвышенномъ и независимомъ настроеніи творческихъ замысловъ—эту трудную задачу въ состояніи осуществлять одно искусство своими созданіями.

Но въ чемъ же окончательно заключается цѣль тѣхъ обобщеній, которыя усваиваетъ себѣ искусство, и которыя стремится оно превратить въ идеалы? Верховная цѣль науки — истина; верховная цѣль искусства—*прекрасное*. Мы здѣсь не намѣрены входить въ сужденія ни о существѣ, ни объ основныхъ стихіяхъ и видоизмѣненіяхъ прекраснаго; все это принадлежитъ къ особымъ философскимъ и психологическимъ изслѣдованіямъ. Мы приводимъ его здѣсь потому, что оно, какъ сейчасъ сказано, есть цѣль искусства, а излишняя литература составляетъ важнѣйшую его отрасль. Намъ должна на этотъ разъ занимать роль, какую прекрасное вообще играетъ въ системѣ нашихъ духовныхъ отправленій. Истина не удовлетворяетъ челоѣка вполне. Она изъята изъ круга личныхъ его интересовъ; она холодна и безстрастна, какъ выражаемый ею непреложный, неумолимый вѣчный законъ, который покоряетъ себѣ все существующее, не дѣлая ни для кого и ни для чего исключеній, не уважая ни чьихъ притязаній, не потворствуя ни чьимъ желаніямъ и чувствованіямъ, увлекая за собой все въ потокъ всеобщаго движенія силъ и судебъ. Наука, представительница истины, не отвѣчаетъ на вопросы нашего сердца, на усилія открыть въ явленіяхъ природы извѣстныя намѣренія и цѣли, способствующія благопріятному для насъ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Но челоѣкъ не есть только существо мыслящее, доступное мечнѣ, не есть *tabula rasa*, предназначенная для фотографическаго оттиска вещей; онъ есть существо, исполненное жизни, надѣленное потребностію и способностію чувствовать, наслаждаться и любить, искать блага, воодушевляться истиною не для ней одной, но для добра и сорадованія всему живущему. Рабское служеніе истинѣ недостойно челоѣка, какъ недостойно его и порабощеніе грубымъ фи-

зическимъ влеченіямъ. Онъ хочетъ господствовать и творить. Когда истины науки онъ обращаетъ въ пользу своихъ житейскихъ потребностей и распоряжается силами природы по своему усмотрѣнію, онъ осуществляетъ одно изъ важныхъ преимуществъ предоставленнаго ему положенія. Но это не все. Съ этими выгодами и могуществомъ передъ природой, онъ немощенъ, слабъ и бѣдаетъ передъ судьбою. Въ концѣ концовъ, онъ все-таки не болѣе, какъ увѣчанная цвѣтами и лаврами жертва недовѣдомыхъ для него законовъ всеобщаго порядка. Его доля — безконечная борьба, не лишенная достоинства и чести, но борьба безъ видимаго торжества побѣды. Въ немъ самомъ возникаетъ хаосъ противорѣчій, и все въ глазахъ его, всегда на этомъ пути прозрѣвающихъ невольнѣ, принимаетъ видъ неутѣшительнаго, ему чуждаго и угрожающаго теченія силъ и вещей, которое тамъ или здѣсь и его захватить непремѣнно въ своемъ безпредѣльномъ разливѣ. Его желанія не удовлетворены, надежды обмануты, тайны творенія, которыя ему удалось разоблачить, ни на одну юту не появились ему тайнъ его собственнаго жребія. Ему даны нѣкоторыя преимущества на время, какъ будто для того, чтобъ онъ сильнѣе могъ возчувствовать свое глубокое одиночество посреди необъятной цѣлости міроздавія. И однакожь этому нельзя быть такъ. Онъ долженъ стать въ другія отношенія съ этою цѣлостію, отыскать точки зрѣнія для другаго міросозерданія, которое указывало бы на необходимость и законность другаго устройства вещей, гдѣ обезпечивалось бы удостоеніе, что во всемъ существующемъ не только выполняется строгій законъ механическихъ соотношеній, какъ внѣ его, такъ и въ немъ самомъ, но и рѣшаются высшія нравственно разумныя задачи, и предполагаются нравственно разумныя цѣли. Такимъ образомъ, мы вступаемъ въ новый кругъ понятій — понятій о *телеологическомъ* устройствѣ вселенной. Наука въ извѣстномъ направленіи и на извѣстныхъ ступеняхъ своихъ изысканій можетъ на время обходить телеологическое начало, но нравственному и эстетическому убѣжденію невозможно отъ него отрѣшиться. Духъ человѣческій не есть безмолвный и равнодушный зритель движущихся вокругъ него силъ и явленій; онъ дѣятель свободный и судья ихъ; изъ многого и различнаго онъ избираетъ лучшее, оцѣниваетъ или одобряетъ вещи, находя для этого необходимое мѣрило въ сообразности характера каждой изъ нихъ и ея дѣйствій съ разумною или предполагаемою цѣлію. Цѣли частныя подчиняются цѣлямъ общимъ. Обобщенія, наконецъ, даютъ намъ понятіе о всецѣлости, полнотѣ, гармоніи, словомъ, о красотѣ

творенія, какъ выраженіи его высокой цѣнности, добротности и удовлетворительности для мысли и чувства разумнаго существа. Мы возмываемся до идеи совершенства и стремимся прилагать ее къ известной вещи въ особенности, на сколько она по натурѣ своей въ состояніи соотвѣтствовать задачѣ и способствовать цѣлямъ того участка или круга жизни, въ которомъ суждено ей пребывать, и чрезъ то самое на сколько она способна приобщиться духа жизни всеобщей. Здѣсь точка опоры для *прекраснаго* и *идеальнаго*, безъ котораго прекрасное немислимо. Но мы приходимъ къ нимъ путемъ не аліюристическихъ произвольныхъ комбинацій, а путемъ обобщеній, элементы для которыхъ, какъ мы видѣли выше, находимъ въ самомъ существующемъ порядкѣ вещей и въ разумѣ, его объемлющемъ. Какъ возможность, какъ необходимость *лучшаго*, *совершеннѣйшаго*, ощущаемаго нами въ планѣ міроустройства, мы стремимся прекрасное проявить не только въ издѣліяхъ нашего внѣшняго творчества, но и въ дѣйствіяхъ нашего внутренняго самообразованія и зависящихъ отъ него поступкахъ. Если мы не удовлетворяемся многимъ, что происходитъ въ дѣйствительности внѣшней и въ насъ самихъ, то это самое уже свидѣтельствуетъ о существованіи высшихъ задачъ и высшихъ цѣлей жизни, и сколько бы ни были эти послѣднія отъ насъ сокрыты, тѣмъ не менѣе принципъ ихъ неотразимо господствуетъ въ нашемъ духѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и все то, что представляютъ намъ великаго и досточтимаго исторія, наука и искусство.

Итакъ, разсуждая о прекрасномъ и идеальномъ, мы не сходимъ съ почвы дѣйствительности, а слѣдовательно, и реализма, имѣющаго, какъ мы уже видѣли выше, цѣлію дѣйствительность, такъ-сказать, въ полномъ ея составѣ, слѣдовательно, психологическую, нравственную и эстетическую. Что литература, въ силу общаго стремленія въка, настаиваетъ на реализмѣ, въ этомъ вовсе нѣтъ ничего необыкновеннаго, ни новаго. Абстракція, безъ жизненнаго содержанія, никогда не имѣла значенія въ искусствѣ.

Одно изъ послѣдствій ложно понимаемаго реализма есть теорія, признающая и уважающая исключительно интересы, такъ-называемые, практическіе, въ которыхъ не изящное, истинное или доброе, а *возможное* служить единственнымъ двигателемъ человѣческихъ дѣйствій и мѣриломъ ихъ достоинства. Изъ всѣхъ ученій, подвергшихся въ наше время пересмотру, утилитаризмъ приобретаетъ, повидимому, наибольшій вѣсъ. Но становясь на его точку зрѣнія, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить самое понятіе пользы. Надобно ли разумѣть подъ

нею вообще все то, что дѣйствуетъ на человѣка благотворно, слѣдовательно, и то, что развиваетъ, совершенствуетъ его умственные и нравственные силы, что способствуетъ установленію между людьми согласія, мира, взаимной довѣренности, что возбуждаетъ и поддерживаетъ въ нихъ чувства правды, чести, долга и рѣшимость жертвовать даже личною пользою для высшихъ общественныхъ цѣлей? Или полезнымъ, какъ полагаютъ настоящіе, искренніе утилитаристы, надобно считать только то, что въ данное время способствуетъ нашему внѣшнему благосостоянію, удовлетворенію нашихъ матеріальныхъ нуждъ и желаній, комфорту? Сколько же въ этомъ смыслъ окажется безполезныхъ вещей, создаваемыхъ благороднѣйшими усиліями избранныхъ умовъ и дарованій? Куда дѣнется наука со всѣми своими всесторонними многотрудными изысканіями, имѣющими въ виду одну истину, безъ малѣйшаго приспособленія къ какой-либо житейской потребности и цѣли? И что должны мы подумать о безполезнѣйшихъ созданіяхъ художественнаго творчества, обо всѣхъ этихъ ни для какого житейскаго потребленія не пригодныхъ, кромѣ развѣ пустыхъ украшеній, созданіяхъ живописи, ваянія, не говоря уже о поэзіи и музыкѣ, которыя даже и на украшенія не годятся? *Разумное* пониманіе пользы, — могутъ возразить намъ, — не исключаетъ ничего подобнаго. Полезно то, что возвышаетъ наше благосостояніе и увеличиваетъ сумму нашихъ наслажденій, соотвѣтственно степени образованія, на которой мы находимся, и если эстетическіе и умственные интересы входятъ въ его сферу, то безъ сомнѣнія, польза наша требуетъ не только не отвергать, а напротивъ, желать ихъ. Но какъ бы разумно ни понималась польза, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, будетъ ли идея ея признана за основной принципъ человѣческихъ дѣяній. Вопросъ: какою же роль будетъ играть здѣсь моя личность? Если дѣятельность каждаго изъ насъ ограничится разумнымъ пониманіемъ личной нашей пользы, въ какомъ бы утонченномъ видѣ она ни представлялась, то что же такое это будетъ, какъ не полнѣйшій эгоизмъ, котораго разумность, не поддержанная другими высшими побужденіями, всегда готова превратиться въ сухую, себялюбивую, холодную разчетливость или исчезнуть отъ перваго дуновенія страстей? Нѣтъ, — могутъ сказать намъ еще, — разумно понимать свою пользу значитъ искать ее въ соединеніи съ пользою подобныхъ намъ существъ, съ пользою общою. А когда этого соединенія не случится, то одна должна уступить другой? Да и кто же не знаетъ, какъ различно понимается общая польза тѣми, которые считаютъ себя призванными подвизаться для нея, и

какую важную роль играетъ тутъ честолюбіе, самолюбіе и наши любимыя тенденціи? Въ оправданіе свое мы обыкновенно ссылаемся на наше убѣжденіе. Уви! какъ часто воззваніе къ убѣжденію служить только прикрытіемъ эгоистическаго упорства въ отстаиваніи своего мнѣнія, не смотря на его негодность,—затаеннаго желанія доказать или удержать свое превосходство надъ противниками, словомъ, въ концѣ концовъ въ усиліи возвести *свое, личное* въ высшій законъ для всѣхъ. Согласимся однако для чести человѣчества, что ставя пользу выше всѣхъ руководящихъ идей, мы готовы забыть о своей собственной и даже принести ее въ жертву пользѣ общей. Но вѣдь такимъ образомъ понятіе полезности для насъ лично уничтожается, и мѣсто его заступаютъ другія идеи, другіе виды и побужденія. А если примѣнить начало пользы къ состоянію цѣлыхъ обществъ? Здѣсь польза значить не то, что эгоизмъ, но также и не то, что требуется данною минутою для удовлетворенія матеріальныхъ интересовъ. Въ обществѣ достигаются многоразлично человѣческія цѣли и то, что оказывается въ извѣстную минуту вовсе не соотвѣтствующимъ этимъ интересамъ, заключать можетъ въ себѣ однако великіе задатки для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Подводить ли ихъ подъ категорію пользы, въ томъ смыслѣ, какъ полагаютъ утилитаристы? Нѣтъ! Горизонтъ исторіи человѣчества слишкомъ широкъ, чтобы можно было измѣрить его однимъ этимъ понятіемъ.

Не менѣе утилитаристовъ ошибаются тѣ, которые одной изъ внутреннихъ нашихъ силъ даютъ перевѣсъ надъ всѣми другими, какъ, напримеръ, тѣ, которые исключительно въ знаніи видятъ основаніе такъ-называемаго прогресса и увраченіе всѣхъ золъ, претерпѣваемыхъ человѣчествомъ, такъ же какъ и удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ нравственнымъ. Какъ скоро, по ихъ мнѣнію, знаніе вразумитъ человѣка въ томъ, что есть и бываетъ и по какимъ законамъ вообще все есть и должно быть, то естественно онъ самъ и весь подчинится законамъ и будетъ дѣлать одно то, что дѣлать должно. Справедливо уподобляютъ знаніе свѣту дневному; но развѣ при дневномъ свѣтѣ не совершаются дѣянія самыя безобразныя и преступныя? Роль знанія есть роль теоретическая; въ немъ заключается сила представительная, но нѣтъ элемента возбуждающаго. Въ данномъ случаѣ мы можемъ возводить представленія наши въ общія понятія и правила, можемъ примѣнять ихъ къ дѣлу, руководствоваться ими, но для чего дѣлается это примѣненіе, и для чего пользуемся мы этимъ руководствомъ, равно какъ и совершеніе самаго акта въ томъ или другомъ

смыслѣ, все это зависитъ отъ другихъ внутреннихъ состояній нашего духа, отъ нашихъ личныхъ чувствованій и стремленій, часто не имѣющихъ ничего общаго съ теоретическими опредѣленіями и указаніями. Въ глубинѣ этихъ чувствованій и стремленій могутъ образоваться такія силы, которыя опрокинутъ, извратятъ или сдѣлаютъ бесплодными самыя лучшія понятія и правила. Можно бы привести множество примѣровъ тому изъ исторіи. Но довольно указать на событія нашего времени, столь богатаго сокровищами всякихъ знаній. Сколько подъ знаменемъ гуманной цивилизаціи и военной чести совершилось дѣлъ, достойныхъ эпохи, когда грабежъ и насиліе считались за одно съ правомъ! Сколько пролито крови и надѣлано жестокостей, которыхъ ужасается самая война, и которыя исторія со стыдомъ и скорбію отмѣтитъ на своихъ страницахъ, какъ поворотъ къ темнымъ временамъ варварства! Говорятъ о всеобщемъ братствѣ народовъ, о сближеніи національностей путемъ образованности и желѣзныхъ рельсовъ и все это оказывается ложью предъ свидѣтельствомъ страшнаго антагонизма тѣхъ же самыхъ національностей; говорятъ о мирѣ, а между тѣмъ націи истощаютъ лучшія свои силы, спѣша вооружиться съ ногъ до головы и превращая поприща мирнаго труда въ военный станъ. И все это посреди обществъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ знаніи! Невинное, нейтральное, безпристрастное знаніе становится орудіемъ распространенія и увеличенія золь, и безъ того достаточно обременяющихъ бѣдное человѣчество, или призывается на помощь къ софистическому мудрованію, то для оправданія кровавой оргіи честолюбія и другихъ страстей, то для глубокомысленнаго вывода какихъ-то невѣдомыхъ благъ, долженствующихъ будто бы въ грядущихъ вѣкахъ очастливить родъ человѣческой тѣмъ, что одинъ съ яростію отнимаетъ у другаго. И наконецъ, когда же человѣкъ въ состояніи будетъ достигнуть той степени знанія, гдѣ оно могло бы оградить его отъ ошибокъ и недоумѣній относительно важнѣйшихъ вопросовъ нашей судьбы и жизни? Знать мало и знать вполнину—не есть ли это удѣлъ человѣчества? Позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе,—что изъ всѣхъ пороковъ нашихъ самый смѣшной и глупый—это высокомѣріе, а извѣстно, что знаніе, безъ другихъ хорошихъ качествъ, удивительно какъ располагаетъ къ высокомѣрью.

Итакъ, при всемъ высокомъ своемъ просвѣтительномъ и руководящемъ значеніи, знаніе не захватываетъ всего человѣка съ его глубочайшими субъективными предрасположеніями и не можетъ служить ручательствомъ въ совершеніи того, что оно же само признаетъ за

благо. Въ другомъ источникѣ надобно искать силы, оплодотворяющей самое знаніе, силы, которая, оживотворяя внушенія мысли, была бы въ состояніи приводить ихъ къ реальнымъ послѣдствіямъ. Духъ человѣческой есть единая нераздѣльная цѣлостъ. Многоразличныя его отправления и многосторонняя дѣятельность сосредоточиваются въ единствѣ самосознанія; но самосознаніе не есть нѣчто отвлеченное; оно есть живое выраженіе самостоятельной личности, заключающейся не въ разумѣніи только, а въ возчувствованіи самой себя, собственнаго бытія. Мы, въ качествѣ существъ разумныхъ—мыслимъ, познаемъ, въ качествѣ существъ дѣятельныхъ—творимъ, но живемъ въ нашемъ внутреннемъ чувствѣ, собирающемъ въ себя, такъ-сказать, плоды отъ всѣхъ другихъ актовъ, равно какъ и располагающемъ насъ къ нимъ. Чтò не возчувствовано, то чуждо намъ, то не наше. Чувство есть убѣжище, гдѣ все, дошедшее до насъ, все, нами приобрѣтенное, становится нашею дѣйствительною собственностію, превращается въ нашу плоть и кровь, гдѣ мысль и знаніе реализируются и получаютъ особенную фizioномію и колоритъ, съ которыми они и предъявляютъ себя міру не какъ данное, а какъ нѣчто каждый разъ вновь создаваемое живое, дѣйствующее индивидуальностію. Степень силы и восприимчивость чувства зависятъ не отъ насъ, а отъ природы; но развитіе его и направленіе опредѣляются воспитаніемъ, средою, въ которой мы живемъ, и религіознымъ и эстетическимъ образованіемъ. Вліяніе эстетическаго элемента на чувство неотразимо, хотя о немъ мало заботятся тамъ, гдѣ, повидимому, обращено вниманіе на нравственную сторону человѣка. На него большею частію смотрятъ какъ на роскошь духа, между тѣмъ какъ онъ есть одинъ изъ существенныхъ и могущественнѣйшихъ дѣятелей нашей пророды, сила котораго ощущается во всѣ времена и во всякомъ состояніи общества. Вотъ почему и образованіе этой силы должно идти наравнѣ съ образованіемъ ума. Когда чувство раскрыто и возбуждено къ впечатлѣніямъ прекраснаго, оно вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыто и возбуждено для всего добраго, благороднаго, человѣческаго, потому что въ прекрасномъ заключаются довершеніе жизни, все само по себѣ цѣнное, цѣлесообразное, досточтимое, и если въ наукѣ содержится истина, то въ немъ—возчувствованіе истины. Искусство своею спеціальностію призвано распространять, поддерживать, охранять прекрасное въ обществѣ; приложенія его въ намѣреніяхъ людей, въ дѣяніяхъ въ нравахъ и жизни окажутся сами собою.

Художественная литература имѣетъ дѣло съ чувствомъ, какъ и

всякое другое искусство, и дѣйствіе, какое она на него производитъ, составляетъ, помимо всѣхъ техническихъ требованій, весьма важный вопросъ, какъ въ философіи ея, такъ и въ критикѣ. Безцѣльно и безконтрольно она не можетъ обращаться съ чувствомъ, ссылаясь на духъ времени, будто бы безусловно располагающій вдохновеніемъ и идеями художественнаго таланта. На чувство дѣйствуютъ и слѣпыя силы природы; но мы не требуемъ отъ нихъ преднамѣреннаго плана, никакого соотвѣтствія нашимъ видамъ: силы эти не зависятъ отъ нашей воли. Мы или уступаемъ невольно могуществу впечатлѣній, возбуждаемыхъ ими въ нашемъ чувствѣ, или боремся съ ними, чтобъ ослабить ихъ гнетущее вліяніе. Совсѣмъ другихъ результатовъ ожидаемъ мы отъ дѣйствія нравственныхъ разумныхъ силъ. Каждая изъ нихъ стремится сознательно свойственными ей/способами къ извѣстной определенной цѣли, и эта цѣль, предвидимая, свободно предрѣшенная, тогда только считается законною, когда соразмѣрена съ природою самой дѣйствующей силы и соотвѣтствуетъ требованіямъ и назначенію разумныхъ существъ. Искусство, по своей природѣ, не можетъ дѣйствовать на чувство иначе, какъ возвышающимъ его образомъ. Оно знаетъ одного человѣка, и въ человѣкѣ особенныя свойства его природы, его преимущества, какъ бы они ни были тягостны и отвѣтственны, и судьбы его, какъ бы онѣ ни были неисповѣдимы. По своему характеру и принципу оно не можетъ въ каждомъ изъ своихъ актовъ или созданій не уважать человѣческаго достоинства, хотя бы это достоинство было оспариваемо, подрываемо и нерѣдко посрамляемо въ тревогахъ и буряхъ, воздвигающихся вокругъ него и въ немъ самомъ. Такъ, постоянная оппозиція, которую литература ведетъ въ своихъ сатирическихъ созданіяхъ противъ неразумія и пороковъ человѣческихъ, основана на горячемъ и твердомъ вѣрованіи въ лучшія начала нашей природы, на стремленіи охранять ихъ отъ искаженій. И только тогда литература утратила бы свойство благотворнаго изображенія, когда эти вѣрованія не находили бы въ ней же самой опоры, то-есть, когда литература и критика ея, подчинясь вліянію ложно понимаемаго односторонняго реализма, ограничилась бы единственно изображеніемъ отрицаній красоты и идеала. Съ другой стороны, напряженіе высшихъ нравственныхъ силъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу въ опасной борьбѣ съ непріязненными имъ механическими силами вещей, недоумѣнія, возбуждаемыя въ насъ превратностями нашего жребія, раскрываютъ въ человѣкѣ предъ художественнымъ гениемъ цѣлый міръ глубокихъ соотношеній и трогательныхъ внутреннихъ со-

стояній. Искусство, какъ полномочный представитель духа, отстаивая права разума и свободы, и здѣсь ободряетъ и воодушевляетъ чело-вѣка мыслию, что онъ все-таки остается избраннымъ носителемъ ихъ даже и тогда, когда взоръ нашъ, простертый въ таинственную глубину его судьбы, меркнетъ въ скептическомъ ужасѣ предъ ихъ неисновѣдимостію, и сердце объемлется скорбію за все великое на землѣ, изнемогающее въ трагическихъ катастрофахъ. Такъ-называемыя эстетическія чувствованія, плодъ художественнаго произведенія, отличаются рѣзко и существенно отъ всѣхъ другихъ своимъ глубокимъ впливомъ на душу. Паеосъ искусства, слезы, исторгаемыя имъ изъ очей нашихъ, его смѣхъ, иронія, юморъ, — все стремится къ одной дѣли, къ возбужденію въ насъ благородныхъ, прямо челоувѣческихъ инстинктовъ и къ ослабленію инстинктовъ грубыхъ, животныхъ. Глубочайшія истины челоувѣческаго сердца, челоувѣческой жизни и судьбы, духъ, вѣющій въ вѣкахъ и поколѣніяхъ, недоступны для формулированія въ понятіяхъ, не подчиняющіеся никакимъ категоріямъ, никакому схематизму, — все это находитъ себѣ выраженіе и реализацію въ творческихъ художественныхъ созданіяхъ, въ живыхъ обобщающихъ идеальныхъ образахъ, проникаетъ въ наше сознание и становится ошутимымъ для чувства. Въ этомъ первенство, конечно остается за литературою, чѣмъ она обязана своему всепроницающему и всеобъемлющему орудію — слову, которому доступны не только неисчерпаемое богатства міра объективнаго, но и все несмѣтное множество движеній и моментовъ субъективной жизни челоувѣка.

Какъ же распоряжаются наша литература и критика съ этимъ богатствомъ представляющагося ей матеріала? Почерпая въ кризисѣ нашего времени особенія воззрѣнія и направленіе реалистическія, вполне ли онѣ вѣрны идеямъ разумнаго высшаго реализма, или онѣ останавливаются на тѣхъ началахъ, которыя примыкаютъ къ нему, но далеко не обнимаютъ всей его сферы? Одно изъ понятій, принимаемыхъ ими за основныя, формулируется словами, что созданное вообще въ искусствѣ, слѣдовательно, и въ художественной литературѣ, есть не иное что, какъ „воспроизведеніе дѣйствительности“. Идея дѣйствительности здѣсь совершенно у мѣста. Но понятіе *воспроизведенія* очень темно и сбивчиво и требуетъ разъясненія. Что значитъ воспроизвести? Не то ли, чтобы дѣйствительность, непосредственно представляющуюся нашимъ чувствамъ, повторять въ словѣ или въ другихъ вещественныхъ формахъ? Но это привело бы насъ прямо къ извѣстной теоріи подражанія природѣ, давно по справедливости от-

вергнутой. Вѣроятно, однако, здѣсь разумѣется не просто повтореніе, а такое сочетаніе явленій, представляющихся въ кругу нашего наблюденія и опыта, какое соотвѣтствуетъ предначертанной нами цѣли. Такимъ образомъ здѣсь допускается уже дѣйствіе свободной распорядительной и преобразующей силы нашего духа. Но ставить этотъ процессъ самостоятельно дѣйствующей силы въ зависимость отъ опредѣленной цѣли самаго дѣятеля-художника, не то же ли значить, что давать ему право располагать дѣйствительностью по его извѣстнымъ воззрѣніямъ и идеямъ? Въ сущности это такъ и бываетъ. Одно, что вмѣняется здѣсь въ непреложный законъ художнику, — это то, чтобъ его воззрѣнія и идеи пронстекали не изъ личныхъ его интересовъ и умозрѣній, а изъ обобщеній, основанныхъ на твердомъ аналитическомъ изученіи вещей, и чтобы такимъ образомъ созданные имъ образы выражали не только то, что есть, но и то, что можетъ и должно быть. Поэтому вмѣсто сбивчиваго понятія о „воспроизведеніи дѣйствительности“ въ литературѣ художественной не слѣдуетъ ли обратиться къ идеѣ, которая давно принята въ ученіяхъ объ искусствѣ вообще, и которая не отвергается безусловно и новѣйшею критикою, къ идеѣ творчества? Творчество человѣческое, безъ сомнѣнія, мы не можемъ иначе представлять себѣ, какъ въ смыслѣ ограничительномъ, то-есть, что оно, *воверига*, черпаетъ содержаніе для творимаго имъ изъ дѣйствительности, а *восторига*, располагаетъ своимъ матеріаломъ и воздѣлываетъ его въ духѣ своей идеи, но по законамъ, какимъ сама дѣйствительность подчиняется въ своемъ развитіи. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ сферахъ, гдѣ проявляется мощь художественнаго творчества, оно сопровождается результатами, которыхъ не представляетъ наличная дѣйствительность. Оно дополняетъ ее новыми явленіями; въ искусствѣ эти явленія и составляютъ то, что мы называемъ прекраснымъ, и что дѣйствуетъ съ неотразимою силою на наше чувство, возвышая его.

Прекрасное плѣняетъ насъ уже самою своею формою, почему нерѣдко и довольствуются ею одною. Какъ часто пріятный, живой разговоръ или звучный стихъ въ литературномъ произведеніи заставляетъ многихъ забывать о пустотѣ, мелочности содержанія, о бѣдности изобрѣтенія! Нѣкоторая находчивость въ концепціи, ловкость, съ какою авторъ сближаетъ, противопоставляетъ, распредѣляетъ ничтожные сами по себѣ матеріалы, также вмѣняются ему въ заслугу. Конечно, это заслуга, но заслуга весьма второстепенная, имѣющая свою цѣну только въ отношеніи къ производству, а не къ самому произведенію

Есть своя прелесть и въ своеобразной игрѣ романтически настроенной фантазіи, рисующей граціозныя, то милыя, веселыя образы или гротески,—игра, которую можно назвать *эстетическою диалектикою*. Но и здѣсь насъ очаровываютъ не достоинства формы и технического исполненія, а жизнь, дѣйствіемъ художественнаго творчества вырывающаяся, такъ-сказать, изъ-подъ тяжелыхъ условій закона необходимости, чтобы порадовать насъ хоть на минуту торжествомъ свободы, которой она лишена посреди строгаго и неизмѣннаго хода вещей.

Новѣйшая односторонняя критика не хочетъ допустить въ литературѣ идеализаціи, какъ будто стремленіе къ ней не есть прямое, естественное, реальное порожденіе коренныхъ свойствъ нашей природы, какъ будто она не есть только приложеніе одного и того же закона человечественности, по которому начавшееся въ извѣстной средѣ вліянія опыта, и проходя разныя стадіи развитія, является, наконецъ, на степеняхъ высшихъ представленій очищеннымъ отъ всего случайнаго, текущаго и несущественнаго. Возставать противъ идеаловъ не значитъ-ли то же, что возставать противъ законовъ человеческого духа, противъ синтеза мысли, противъ обобщеній, телеологическаго міросозерцанія, противъ присущаго разуму стремленія къ совершенству, къ безвѣчному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ совершенствованію человеческого рода и прогресса, словомъ, противъ всего, чѣмъ движутся впередъ и преуспѣваютъ наука, жизнь, общественность? Существуетъ ли хоть одно положеніе въ жизни человѣка, которое не представляли бы болѣе или менѣе въ идеальномъ свѣтѣ? Почему же хотять идеализацію исключить изъ вруга искусства, литературы?

Мы видѣли что высшій разумный реализмъ и разумный идеализмъ вовсе не такъ противорѣчатъ другъ другу, какъ обыкновенно многимъ кажется; что если послѣдній приходитъ къ такимъ выводамъ и представленіямъ, коимъ соответствующихъ предметовъ не находится въ наличной обыденной дѣйствительности, то это не значитъ, что ствій для нихъ не существуетъ въ вещахъ, что обобщенія, которыя служатъ какъ-бы подкладкою для идеализаціи, не состоятъ въ тѣсной съ ними связи. Изъ предыдущихъ соображеній мы могли понять, наконецъ, что искусство, возвращая, такъ-сказать, дѣйствительности эти заимствованныя отъ нея же обобщенія въ новыхъ, живыхъ индивидуальныхъ образахъ, созданныхъ творческою фантазіей, только реализуетъ то, для чего въ элементахъ дѣйствительности уже существуютъ поводъ и основанія.

Обыкновенное возраженіе противъ допущенія идеаловъ въ литературу—это абстрактность ихъ и неприменимость къ жизни возбуждаемыхъ ими понятій о совершенствѣ. Вы, говорятъ намъ, отбрасывая отъ предметовъ ихъ живыя индивидуальныя особенности и отвлекая родовые и видовые ихъ признаки, составляете образы, не имѣющіе никакого существеннаго значенія, и надѣлая ихъ совершенствами, ни одному предмету не свойственными, наполняете умы мечтами и иллюзіями, вопреки обязательнымъ требованіямъ жизни. Но какая же логическая вина въ сочетаніи видовыхъ и родовыхъ свойствъ, если только они не выдуманы, а подмѣнены въ самой природѣ вещей? Мы видѣли уже, что это составляетъ одинъ изъ великихъ процессовъ мышленія. И неужели въ экономіи человѣческаго духа подобный актъ есть только игра понятій, а не законъ, котораго обойти нельзя, и котораго примѣненіе имѣетъ свои важныя послѣдствія, какъ и причины? Ежели же единство, нами здѣсь приводимое, выражается не въ голомъ понятіи, а въ живомъ типическомъ образѣ, то развѣ это не есть одна изъ великихъ преимуществъ человѣческаго духа, силы творчества? Справедливо, что каждый идеалъ носитъ въ себѣ идею совершенства, не выполнимую для индивидуальной дѣятельности; но какъ олицетвореніе истиннаго, а не вымышленнаго родоваго значенія вещей, онъ есть только свидѣтельство о существованіи высшаго порядка жизни, цѣлей и законовъ, которые духъ человѣческій неизбежно признаетъ въ своемъ міросозерцаніи. Онъ и отрицать этого не можетъ, не погрузивъ въ хаосъ всѣхъ существъ и не отринувъ разумности, надъ ними господствующей и ему присущей. Да притомъ и совершенство, недостижимостію котораго упрекаютъ поборницу его—идеализацію, представляется въ произведеніяхъ искусства и литературы не съ притязаніемъ на его полное или немедленное осуществленіе, а только съ увѣренностію, что признаніе его и постепенное, возможное къ нему приближеніе, какъ въ полнотѣ жизни въ извѣстной средѣ, возложены недовѣдомыми намъ законами на заботу и отвѣтственность разумаго существа. Безъ сомнѣнія, ошибки въ идеализаціи возможны. Важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ *предваряющемъ синтезисѣ*, то-есть, въ такомъ обобщеніи, которое не возникло изъ наблюденія и анализа обобщаемаго порядка вещей, а образовалось въ нашемъ умѣ апріористически, субъективно. Отсюда выходитъ идеализація произвольная и личная, имѣющая значеніе только для своего производителя. Если она вторгается въ область искусства, то вторгается незаконно, потому что искусство, какъ представитель выс-

шихъ обобщеній, служить не лицу, а человѣчеству, народу, обществу. То, что каждый изъ людей приноситъ или какъ должную дань, или какъ не вмѣняемый намъ въ обязанность особенный даръ таланта, можетъ состоять только изъ вещей для нихъ цѣнныхъ, — а это тѣ вещи, которыя удовлетворяютъ ихъ потребностямъ, и какъ эти потребности весьма разнообразны, то ихъ приходится удовлетворять и способами различными, начиная отъ какихъ-нибудь произведеній промышленности до высшихъ созданій художественнаго гения. Но всякое изліяніе своихъ мыслей и чувствованій для собственной улады, безъ яснаго сознанія о томъ, какое дѣйствіе произведетъ оно на чувство другихъ, есть узурпація чужаго времени и вниманія.

Въ коллективномъ синтезисѣ человѣчества, народа, общества образуются представленія, которыя служатъ основой и содержаніемъ для идеаловъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, и которыми не престають одушевляться сознательно или бессознательно цѣлыя поколѣнія, равно какъ и производительная дѣятельность художниковъ. Въ этихъ идеалахъ заключаются тѣ великія всеобщія истины, которыя вѣчнымъ разумомъ полагаются въ основаніе всякаго преуспѣянія и движенія въ, человѣческомъ родѣ. Абстрактная идеализація дѣйствуетъ не безъ отношенія къ этимъ истинамъ, но умы, ею проникнутые, обыкновенно ничего не хотятъ знать, кромѣ безпредѣльности человѣческихъ желаній, и не обращаютъ вниманія на другія, ограничивающія стороны человѣческой дѣйствительности, которую и изучаютъ они единственно въ духѣ предвзятыхъ ими понятій. Изъ этого должно происходить само собою, что идеалы ихъ останутся навсегда пустыми мечтами и призраками, хотя въ глазахъ простодушнаго невѣжества они могутъ казаться чѣмъ-то особенно привлекательнымъ единственно потому, что уходятъ въ область, гдѣ всякая невозможность кажется возможною.

Искусство не признаетъ подобной идеализаціи. Во имя прекраснаго, оно усваиваетъ себѣ такую идеализацію, которая составляетъ, такъ сказать, вѣнецъ высшаго разумаго реализма, — идеализацію возвышающую духъ въ предѣлахъ не вымышленныхъ, но существенныхъ, дѣйствительныхъ стихій, глубоко лежащихъ въ основахъ человѣческой природы, народности и общности. Новѣйшая критика требуетъ отъ литературы воспроизведенія дѣйствительности; но мы видѣли, что воспроизводить дѣйствительность не значитъ списывать ее, а преобразовать, направлять и довершать по идеямъ, по видамъ творческаго гения: какія же это идеи, какъ не тѣ, которыя въ состояніи обу-

дать, укротить всякую крайность и исключительность въ частныхъ человѣческихъ стремленіяхъ и уравнивить по возможности то, что есть, съ тѣмъ, что можетъ и должно быть общечеловѣческаго, общенароднаго и разумнаго?

Извѣстно, что идеалы не пользуются почетомъ въ глазахъ людей такъ-называемыхъ практическихъ. Они и правы, если, какъ мы сейчасъ видѣли, дѣло идетъ объ идеалахъ произвольныхъ, фантастическихъ, личныхъ или почерпнутыхъ изъ такихъ обобщеній, которыя, бывъ отдалены на неизмѣримое разстояніе отъ вещей, представляются въ видѣ призраковъ, лишенныхъ всякаго жизненнаго содержанія, въ видѣ абстрактовъ, равняющихъ ихъ съ ничѣмъ. Но мы, кажется, достаточно объяснили, что искусство по своей натурѣ чуждается всего абстрактнаго; что элементы для созданій своихъ оно находитъ въ обобщеніяхъ, приготовленныхъ путемъ аналитическихъ наблюденій, и что основы міросозерцанія, до котораго оно возвышается, лежатъ не въ вымыслахъ, а въ прирожденныхъ человѣку и народу естественныхъ, неотразимыхъ и всеильныхъ побужденіяхъ.

Собственно говоря, искусство не знаетъ исключительнаго ни идеализма, ни реализма: въ немъ они соединяются оба. По духу и стремленіямъ своимъ, по содержанію своихъ созданій и господствующей въ немъ идеѣ прекраснаго, оно идеально. Но оно въ то же время реально, и притомъ реально вдвойнѣ: во первыхъ, по отношеніямъ своимъ къ дѣйствительности, на которой опирается и откуда восходить къ идеализаціи, а во вторыхъ, по свойству своихъ формъ и выраженія, воплощающихъ всякую его идею въ вещественныхъ, пластическихъ индивидуальныхъ образахъ, дополняющихъ видимую дѣйствительность. Не идеальныя ли созданія герои Иліады и еще болѣе такіе, наиримѣръ, характеры, какъ Гамлетъ, Дездемона, Джульета, Донъ Кихотъ со своимъ Санчо Пансою, Фаустъ, Маргарита, старецъ Пименъ Пушкина и его же Татьяна? Помѣшала ли однако идеализація быть имъ въ высшей степени реальными? Дѣйствительность героическаго вѣка Грековъ, на сколько она намъ извѣстна, отразилась въ бессмертномъ твореніи Гомера, которое недаромъ они чтли и изучали какъ драгоцѣннѣйшій памятникъ своей національности, какъ выраженіе того, что существовало въ нравахъ, чувствованіяхъ и духѣ ихъ предковъ. Въ типическихъ личностяхъ новѣйшей литературы, созданныхъ великими талантами, мы почерпаемъ глубокія психологическія и общественныя истины, какихъ не въ состояніи представить намъ никакая дидактика, никакая публицистика. Одного, конечно, не

достаетъ лучшимъ изъ подобныхъ твореній — затрогиванія современныхъ тенденцій, почему они и кажутся для иныхъ устарѣлыми и отсталыми. Но такой взглядъ похожъ на жалобу тѣхъ муравьевъ въ одной баснѣ, которые толковали, что хотя солнце—вещь очень хорошая, но такъ какъ оно не сходитъ къ нимъ на землю, чтобы пособить имъ поднять такую-то соломенку или зернышко, то за чтò же его уважать и ему удивляться. Бѣдняки не понимали, что если бы солнце не свѣтило имъ и не грѣло ихъ издали, то всѣ ихъ соломенки, зернышки и они сами превратились бы въ ничто.

Съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы словесно-письменнаго проявленія мысли расширились, общество стало наводниться безчисленнымъ множествомъ произведеній, которыя всѣ вмѣстѣ принято называть литературою. Каждый, кому природа дала право руководить убѣжденіями другихъ, или кто только думаетъ, что имѣеть такое право, каждый стремится возвысить свой голосъ на поученіе или возбужденіе умовъ. Вопросъ—на сколько все это удовлетворяетъ требованіямъ образованности, можно оставить въ сторонѣ; царство мысли есть царство свободы, и только злоупотребленіе этой свободой не должно быть терпимо. Но есть произведенія, всплывающія, такъ-сказать, поверхъ всякого случайнаго легкаго многописанія, произведенія съ характеромъ болѣе или менѣе серьезнымъ, съ опредѣленными идеями извѣстной школы, извѣстнаго направленія—соціального, политическаго, философскаго, и въ то же время, не рѣдко усвоющія себѣ замѣчательную художественную форму. Они составляютъ литературу такъ-называемую *тенденціозную*. Важное значеніе ихъ неоспоримо. Нравственный, умственный и общественный бытъ людей устраивается въ обширныхъ размѣрахъ и по разнообразнымъ направленіямъ, возникающимъ и измѣняющимся вопреки видамъ тѣхъ, которые желали бы подчинить весь ходъ жизни и исторіи одному какому-либо началу или силѣ. Есть умы, отмѣченные особенною даровитостію, которые не остаются въ сторонѣ отъ этого безконечнаго движенія, и естественно каждый изъ нихъ, вовлекаясь въ него судьбою своимъ положеніемъ, или призваніемъ, присоединяется къ одному изъ господствующихъ направленій и стремится доставить ему перевѣсъ надъ другими, или по меньшей мѣрѣ, отстаивать тѣ интересы, которые даютъ ему неотъемлемое право гражданства между ними. Такимъ образомъ тенденціозность, этотъ теоретическій процессъ духа, призваннаго ко всестороннему обсужденію вещей, является сама собою необходимою въ произведеніяхъ слова, и понятно, что каждый дѣятель въ этой средѣ, уси-

ливаясь сообщить усвоенному имъ взгляду или началу сколько возможно болѣе силъ и вліянія, дѣйствуетъ на чувство и прибѣгаетъ къ пособію изящнаго, какъ къ могуществу, покоряющему сердца. Нѣтъ ни возможности, ни разумной причины не признавать этой тактики идей, если она не имѣетъ въ виду цѣлей эгоистическихъ, противообщественныхъ и безнравственныхъ; но нѣтъ также ни возможности, ни разумной причины подмѣнять тенденціозными произведеніями всегда односторонними, всегда выражающими одинъ только извѣстный мотивъ мысли, созданія въ собственномъ смыслѣ художественныя, побѣдоносно дѣйствующія на умы въ духѣ идеаловъ общечеловѣческихъ и общенациональныхъ. Мы вовсе не намѣрены утверждать, чтобы творческій художественный умъ былъ чуждъ сочувствія къ опредѣленнымъ вопросамъ времени и мѣста, и чтобы его субъективное настроеніе не могло склоняться въ пользу того или другаго начала; но каково бы ни было его личное воззрѣніе и расположеніе, какъ бы ни было одушевленіе его растворено участіемъ его сердца къ явленіямъ среды, его окружающей, мы всегда найдемъ его на пути къ высшему міросозерцанію, объемлющему все частное и случайное. Важность общественныхъ вопросовъ и потребностей данной минуты, на которые критика, придерживающаяся извѣстныхъ тенденцій, указываетъ какъ на залюги прогресса и цивилизаціи и какъ на единственную или главную задачу искусства, — важность эта не можетъ служить мѣриломъ достоинства художественнаго произведенія, хотя бы по формѣ своей оно въ глазахъ техники и представляло замѣчательныя красоты. Поверхъ вопросовъ и потребностей минуты есть всегда нѣчто высшее, подъ которымъ они состоятъ. Съ нимъ общественные интересы связаны таинственными и нерасторжимыми нитями; это *нѣчто* суть обобщенія, гдѣ почіютъ вѣчныя нравственныя и умственныя истины, безъ которыхъ нечего и думать ни о прогрессѣ и цивилизаціи ни о наукѣ и искусствѣ.

Но надобно, говорить намъ, дѣлать то, что нужнѣе и пригоднѣе для данной минуты. Изъ этого слѣдовало бы, что надобно ожидать благоприятной минуты или очереди, когда можно будетъ связать людямъ, что не только то хорошо, что хорошо въ смыслѣ такого-то насущнаго интереса или такой-то среды людей, дѣйствующихъ въ пользу его, а что вообще хорошо само по себѣ, или не только то дурно, что не согласно съ такимъ-то специальнымъ ученіемъ, съ такимъ-то требованіемъ обстоятельствъ, но что вообще дурно то, что противно долгу или общественному благу. Въ дикомъ или полудикомъ состоя-

нимъ людей такой образъ мыслей и понятій и правленъ, по крайней мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія. Но неужели онъ совмѣстятъ съ состояніемъ людей, которое называютъ цивилизаціей и прогрессомъ, имѣющими претензіи на болѣе прочныя и достойныя разума опредѣленія? И если самая логика жизни заставляетъ насъ въ отвлеченіяхъ ея признать связь и взаимнодѣйствіе ихъ, то какииъ образомъ мы стали бы задерживать одно въ пользу другаго и измѣнять порядокъ вещей вопреки ихъ естественному союзу, ходу и отношеніямъ? Вѣдь кому неизвѣстно, что явленія природы и исторіи зависятъ отъ дѣйствія не одной причины, а отъ совокупности разныхъ и нѣсколькихъ причинъ?

Искусство, также какъ и наука, является не по вызову ежедневныхъ нуждъ и обстоятельствъ для разрѣшенія различныхъ случайностей, которыми усѣяна жизнь человѣческая, хотя ничто истинно человѣческое ему не чуждо; но какъ наука, изливая на все наше существованіе свѣтъ своихъ истинъ и расширяя предѣлы ума до крайнихъ предѣловъ его возможности, тѣмъ самымъ уже безъ всякихъ со своей стороны приспособленій содѣйствуетъ успѣшному совершенію всего, чтѣ намъ предстоитъ исполнять,—такъ искусство, со своей стороны, не въ приложенія къ частнымъ случаямъ проявляетъ свою благотворную силу, а въ дѣйствіи своемъ на всего человѣка, а слѣдовательно, и на всѣ нравственныя отношенія. Потому-то, мыслящіе люди во всѣ времена признавали за нимъ высшее образовательное значеніе. То, чтѣ называютъ художественнымъ вкусомъ, есть не иное что, какъ развитое чувство прекраснаго, которое отвергаетъ все грубое, пошлое, фальшивое вездѣ и во всемъ, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣтили,—въ произведеніяхъ ли фантазіи, въ чувствованіяхъ ли, нравахъ и поступкахъ. Европа начала выходить изъ варварства не прежде, какъ когда познакомилась съ прекрасными произведеніями древняго искусства, и когда въ ней возбудился собственный художественный гений. Созданія классической пластики, творенія Вергилія, Горация, Гомера, Эсхила, Софокла, Эврипида сдѣлались драгоценными потомству не потому, что они приводили ему на память политическія или социальныя тенденціи, но потому что содержали въ себѣ безсмертныя образцы художественной красоты и возбуждали глубокое чувство изящнаго. Ни Рафаэль, Микель-Анджело, Тиціанъ, Корреджіо, ни Сервантесъ, Шекспиръ и въ позднѣйшее время Гёте, Шиллеръ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ и проч. не были публицистами; они принимали участіе въ общественныхъ движеніяхъ своего времени, однимъ явленіемъ

его сочувствовали, другихъ не одобряли, но каждый изъ нихъ, слѣдуя призыву своего генія, служа исключительно искусству, вносилъ въ общество великія истины и великія идеи, возбуждавшія умы во всему, въ чемъ общество видитъ свою честь, достоинство и благо, и въ чемъ оно нуждается во всѣ времена. Они были общественные дѣятели въ благороднѣйшемъ и лучшемъ смыслѣ слова. Они не могли изцѣлить общество отъ угнетающихъ его золъ, да кто же можетъ и похвалиться этимъ? Но они избавляли многихъ отъ худшаго изъ золъ — отъ увѣренности, что такъ какъ человѣкъ происходитъ отъ смысленной и ловкой обезьяны, то онъ лучшаго ничего не можетъ сдѣлать, какъ обрости шерстью, и посредствомъ естественнаго подбора выработавъ въ себѣ какъ можно утонченнѣе свою животную натуру, достигъ наибольшаго комфорта. Въ нашей еще весьма юной и шаткой образованности мы тоже имѣемъ доказательство того, какое важное участіе принимала въ успѣхахъ ея эстетическая дѣятельность замѣчательнѣйшихъ изъ нашихъ талантовъ. Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь, не говоря уже о художникахъ въ прочихъ отрасляхъ искусства, силой изящнаго приготовления умы къ высшей умственной и общественной дѣятельности, нуждавшейся въ благородныхъ и возвышенныхъ возбужденіяхъ. Мы не оцѣнили еще вполнѣ услугъ, оказанныхъ ими общественному нашему перерожденію. Не отъ нихъ ли и нынѣшніе литературныя дѣятели наши получали зачатки того духовнаго настроенія, которое сдѣлало ихъ болѣе способными мыслить, чувствовать и писать на отечественномъ языкѣ съ достоинствомъ и пользою даже о вопросахъ, въ настоящее время занимающихъ умы? Предшественники ихъ не касались многихъ изъ этихъ вопросовъ, потому что это не зависѣло отъ нихъ, да и не пришло къ тому время; нѣкоторые, можетъ-быть, слишкомъ далеко уносились въ область идеализаціи; но честное, безкорыстное, даровитое служеніе прекрасному имѣло великую заслугу передъ обществомъ, которому на новомъ его историческомъ пути надлежало необходимо усвоить этотъ элементъ образованія.

Когда искусство въ области свободныхъ человѣческихъ дѣятельностей ищетъ элементовъ для своихъ прекрасно-идеальныхъ созданий и находитъ ихъ, тѣмъ самымъ оно доказываетъ, что имъ управляетъ не безотчетное влеченіе къ пустой игрѣ въ мечты и иллюзіи, а законъ вещей, выражающійся въ многообразныхъ явленіяхъ и начинаніяхъ свободы. Печальный опытъ удостовѣряетъ однако, что значительная доля этихъ явленій и начинаній находится въ прямомъ

противорѣчіи съ сознаниемъ долга, налагаемаго на насъ достоинствомъ той же свободы. Ни наука, ни нравственное наше чувство не разрѣшаютъ тайны роковой несомнѣстимости того, что признается разумомъ за достоюжное и святое, съ тѣмъ, что повсемѣстно совершается въ частностяхъ человѣческой жизни. Мы можемъ только ссмыслаться на неизбежность подобной несомнѣстимости въ средѣ существъ, которымъ предоставлено право свободнаго употребленія своихъ силъ. Искусство, вѣрное задачѣ своей реализовать въ своихъ созданіяхъ идеи всеобщаго порядка или идеи хотя непостижимаго, но тѣмъ не менѣе разумнаго міроустройства, не можетъ не видѣть безконечнаго отступленія отъ этихъ идей, ихъ отрицанія; оно не можетъ не признавать ихъ практическаго участія неразумности въ теченіи дѣлъ человѣческихъ; но въ качествѣ охранительной силы всего разумнаго, оно не можетъ не заявлять противъ нея своего протеста. Отрицанія въ ихъ общности, исключаящія обобщенія высшія, искусство вводитъ въ свои художественныя формы, чтобы живою ихъ объективностію дать почувствовать неизмѣримое разстояніе между истинною челоуѣченностью и челоуѣченностью искажаемою. Литературныя произведенія, написанныя въ этихъ видахъ, имѣютъ важный и глубокій смыслъ. И не удивительно, что умы свѣтлые и даровитые, преданные волюгѣ лучшимъ интересамъ общества, находятъ свое призваніе въ художественной спеціальности этого рода. Предавать на общественный судъ или посмѣяніе челоуѣческие пороки съ такою художественностію чтобы ихъ безобразіе и нелѣпность возбуждали сильнѣйшее и спасительное впечатлѣніе, значитъ оказывать людямъ великую услугу. Литература нашего времени особенно обильна произведеніями, вооруженными сатирою противъ зла, которое люди сами себѣ причиняютъ своими безразсудствами. Мы такимъ образомъ касаемся здѣсь той умственной производительности, которую критика выставляетъ какъ главную заслугу литературнаго реализма. Читатель видѣлъ, что мы вовсе не отвергаемъ этой заслуги. Элементъ сатирической мы напротивъ считаемъ необходимымъ тамъ, гдѣ признается идеальное начало въ литературѣ. Какъ отрицаніе предполагаетъ утвержденіе, ибо отрицается что-нибудь, а не ничто, то естественно первому предшествуетъ послѣднее. Утвержденіемъ выражается понятіе качества, которыми проявляется бытіе и сущность вещи въ опредѣленной формѣ. Каковы бы ни были измѣненія, которымъ подвергается вещь въ судьбахъ своей жизни, вслѣдствіе своей индивидуальности и отношеній къ другимъ вещамъ, она не можетъ отречься отъ своей сущности

иначе, какъ отрехшись отъ самой себя, отъ своего бытія. Изъ всѣхъ созданий одному разумному существу, какъ высшей и свободной индивидуальности, предоставлено право противопоставлять свою личность законамъ, опредѣляющимъ положительность его общей природы. Здѣсь и возникаютъ явленія въ видѣ отрицаній, возможны единственно подъ условіемъ существованія идеи утвержденія, а съ другой — свободы. Отрицанія эти могутъ дойти до степени изумительнаго искаженія человѣческой природы; но во всякомъ случаѣ, если искусство допускаетъ ихъ въ свою область, то не иначе, какъ въ видѣ ясно сознаваемой имъ противоположности элементу положительному или утвердительному, который во всей его чистотѣ оно видитъ и осуществляетъ въ идеалѣ.

Что наша художественная литература получила рѣшительную наклонность къ реализму, въ этомъ не заключалось бы никакого противорѣчія ни задачѣ искусства, ни требованіямъ человѣческаго духа, если бы она въ своемъ реалистическомъ движеніи не останавливалась, такъ-сказать, на половинѣ пути, какъ-бы считая частныя, поверхностныя, внѣшнія проявленія жизни за единственную совершенно dokonченную дѣйствительность. Къ сожалѣнію, критика, обязанная слѣдить за ходомъ литературы и возводить факты къ началамъ, до сихъ поръ не объяснила значенія и характера истиннаго реализма; она обращаетъ исключительное вниманіе на тенденціи литературныхъ произведеній, что имѣло бы свое справедливое основаніе, если бы задачей литературы была одна пропаганда извѣстныхъ тенденцій. Подобное направленіе критики не только препятствуетъ развитію и образованію эстетическаго чувства въ обществѣ, но поощряетъ самыя крайности литературнаго реализма, сбиваетъ таланты съ прямого пути или служитъ преградой къ свободному раскрытію ихъ силъ. Всѣ дѣйствія человѣческія нуждаются въ контролѣ разума, возводящаго въ своихъ обобщеніяхъ явленія къ принципамъ, и тамъ, гдѣ не признается этотъ контроль, тамъ глубокіе, важнѣйшіе интересы жизни становятся зависящими или отъ всякихъ житейскихъ пошлостей, или отъ такихъ легкомысленныхъ увлеченій, которыя были бы смѣшны, если бы часто не были плачевны. Говорятъ, самая эпоха наша не благопріятствуетъ у насъ художественнымъ стремленіямъ; она вызываетъ другаго рода дѣятельности. Само общество обращаетъ вниманіе на дѣла болѣе существенныя и практическія, а противъ общества идти нельзя. Болѣе легкіе и поверхностные умы готовы видѣть ошибки въ самомъ существованіи первоначальныхъ силъ, коими видится и

управляется нравственный міръ: имъ кажется, что значеніе нашей эпохи состоитъ не только въ пересмотрѣ, такъ-сказать, старыхъ и спорныхъ дѣлъ образованности и болѣе правильной по нимъ постановкѣ рѣшеній, но и въ радикальной передѣлкѣ самой природы человека, въ отсѣченіи въ его организмѣ хотя бы то посредствомъ мучительной операциі таковыхъ членовъ, которые, по законамъ ея, должны изъ нея существовать, и въ замѣнѣ ихъ другими новаго изобрѣтенія. Для нихъ ничего не стоитъ выбросить и эстетическое чувство изъ ряда первоначальныхъ дѣятелей человѣческаго духа. Довольно и того, но ихъ мнѣнію, когда изыщному оставлена будетъ честь служить, въ видѣ приправы, дополненіемъ для жѣвотерныхъ удовольствій или продуктовъ промышленности и ремесль. Такъ можно поступать и съ другими въкобѣчными предрасположеніями нашей природы, смотря по востребованію того или другаго моднаго ученія, той или другой гипотезы.

Многое изъ того, что нашъ вѣкъ принесъ съ собою, дѣйствительно великаго въ наукѣ и въ примѣненіи ея къ жизни, не могло не проникнуть въ наше общество и не возбудить въ немъ противудѣйствія тѣмъ тощимъ, убогимъ понятіямъ и теоріямъ, которыя, родясь въ пустыняхъ безответнаго абстракта и умственнаго произвола, оказывались безплодными для жизни. Общество естественно стало требовать идей, способныхъ быть дѣлами, и участвовать въ рѣшеніи наиболѣе и по справедливости занимающихъ его вопросовъ, стало искать въ нихъ элементовъ реальныхъ. Но оно, безъ сомнѣнія, не думало и не думаетъ исключать изъ сферы этихъ идей высія истины человѣческой природы, составляющія ея несомнѣнную реальность, не смотря на то, что въ его собственной средѣ многія явленія находятся съ ними въ разладѣ, образуя реальность низшую, такъ-сказать, осадочную. Поэтому литературная критика, въ подкрѣпленіе своихъ крайнихъ реалистическихъ воззрѣній, напрасно стала бы ссылаться на общество наше, будто бы окладѣвшее къ красотамъ художественной литературы. Изъ того ничего не слѣдуетъ, что не находя въ современной литературѣ удовлетворенія своей эстетической потребности, оно принуждено довольствоваться тѣмъ, что ему предлагаютъ. Да наконецъ, если бы оказывалось, что эта потребность недостаточно въ немъ развита или получила ложное направленіе, то кто же иной, какъ не сама художественная литература, обязана заботиться о ея развитіи и образованіи? Общество возбуждаетъ къ дѣятельности таланты, но оно не отнимаетъ у нихъ свободы дѣйствовать соотвѣтственно ихъ художественному

призванію, и они поступаютъ нехорошо, когда измѣняютъ ему изъ утѣжденія дурному вкусу или модѣ. Если общество и высшія умственныя силы въ немъ наводятся въ отношеніи взаимодѣйствія, то это не значитъ, чтобъ одно требовало отъ другихъ только такихъ услугъ, какія исключительно прилагаются къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, а тѣ снѣшили бы работѣнно на служеніе имъ, забывъ, что самны общества закономъ историческимъ судьбъ побуждаются къ осуществленію задачъ болѣе обширныхъ и великихъ, чѣмъ эти случаи и обстоятельства.

Анализъ, управляющій методомъ науки, хотятъ приложить всецѣло къ художественной литературѣ, какъ общее требованіе времени. Само собою разумѣется, что нельзя упрекать ничью литературу и критику за ихъ склонность къ анализу. Несомнѣнно, что анализъ есть такая подкладка всѣхъ дальнѣйшихъ операций нашего духа, безъ которой всѣ онѣ превратились бы въ пустую игру фантазіи. Притомъ аналитическое настроеніе есть совершившійся фактъ, а съ фактомъ, каковъ бы онъ ни былъ, въ наши дни не спорятъ, хотя бы онъ былъ не болѣе, какъ грубая сила, убивающая идею. Но какъ жизнь и дѣятельность человѣческая находится подъ властію не одного, а разныхъ двигателей, какъ человѣкъ обязанъ *сiе дѣлатъ и онаю не оставяетъ*, обязанъ воздавать Кесарю кесарево и Богу Божіе, то нельзя не сказать, что во всякомъ случаѣ исключительная пригнѣжденность къ анализу похожа на процессъ хожденія въ дремучемъ лѣсу безъ надежды выйдти изъ него и достигнуть надлежащаго убѣжища. Человѣку суждено ходить не на одной, а на двухъ ногахъ, и когда изъ двухъ равно необходимыхъ для него способовъ движенія, ему предпшутъ исключительно употреблять одинъ, то онъ будетъ непременно хромать, что едва-ли входило въ намѣреніе природы, которая во всякомъ случаѣ прызнала для него полезнѣе, чтобъ онъ по землѣ ходилъ, вмѣсто того, чтобы подсказывать въ припрыжку. Какъ бы ни были существенны разности, на которыя разлагается дѣятельность нашего духа, онъ неизбѣжно всегда склоняется къ извѣстному всеобобщающему міросозерцанію, служащему для него какъ бы компасомъ среди волнъ безпредѣльнаго океана мысли. Нося въ себѣ направлятельную и руководящую идею исторіи, это міросозерцаніе въ то же время охраняетъ положительность всего существующаго; оно—врагъ отрицаній, потому что съ отрицаніями несовмѣстно никакое бытіе, а слѣдовательно, и никакое міросозерцаніе, и въ его глубинѣ лежатъ сѣмена идеализма, представляющаго собою преграду для

вторженіи въ среду людей и окончательнаго торжества низшихъ инстинктовъ нашей природы.

Мы не беремса опредѣлить, какимъ именно міросозерцаніемъ проникнуты наша критика и литература, и проникнуты ли онѣ имъ; но если смотрѣть на нихъ съ критико-философской точки зрѣнія, то нельзя во многихъ явленіяхъ той и другой не замѣтить особенной односторонности, выражающейся въ отчужденіи отъ всего идеальнаго, подъ предлогомъ несомѣстности его съ началомъ реализма. Мы видѣли уже, какъ должно понимать этотъ реализмъ, и нашли, что въ разумномъ реализмѣ нѣтъ ничего такого, что исключало бы идеализацію, и въ разумной идеализаціи нѣтъ ничего противорѣчающаго разумному реализму. Между тѣмъ ослабленіе идеализма въ нашей литературѣ не могло остаться для нея безнаказаннымъ. Намъ поражаетъ здѣсь какая-то умственная неспособность, не позволяющая писателю подняться до представленій истинно прекраснаго; мысль не простирается далѣе представленій, возникающихъ въ низшей познавательной сферѣ и ощущеніяхъ, и горизонтъ ея ограничивается предѣлами той, такъ сказать, умственной и нравственной жѣстности, гдѣ въ тѣсномъ пространствѣ заключенные предметы закрываютъ собою обширные и величественные виды. Литература сдѣлалась однообразною до возбужденія въ читателяхъ пресыщенія и скуки, повторяя безпрестанно одни и тѣ же типы, большею частію обезображенные случайностями жизни. Въ содержаніи ея произведеній вы встрѣчаете почти силошь и радомъ, подъ видомъ необходимаго изображенія нравовъ, фотографическіе оттиски маленькихъ эфемерныхъ страстей, силтней обиденной жизни, едва-ли заслуживающихъ повторенія въ искусствѣ. Литература дробится, распускается, исчезаетъ въ мелочахъ, впадаетъ въ жанръ или въ преувеличенія, въ карикатуру. Грязное, пошлое, грубое считается за естественное, за природу человѣческую, какъ-будто природѣ человѣческой только и суждено что быть грязною и грубою. Говорятъ, что и произведенія съ подобнымъ направленіемъ имѣютъ свою хорошую сторону: они распространяютъ въ публикѣ охоту къ чтенію. Положимъ что такъ, хотя не знаемъ, къ чему можетъ служить такая охота. Мы, впрочемъ, не намѣрены утверждать, чтобы во всякомъ случаѣ трудъ, имѣющій цѣлю доставить людямъ безвредное развлеченіе или удовольствіе, не имѣлъ никакой цѣны. Еще менѣе можемъ мы относиться неодобрительно къ тѣмъ изъ произведеній, которыя, при отсутствіи внутренняго художественнаго качества, но съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій внѣшней художественной техники, передаютъ своимъ

читателямъ свѣдѣнія о разныхъ предметахъ нашей народности. Но въ такомъ случаѣ они подлежатъ суду научной, а не художественной критики.

Обращаясь въ поясненіе высказанныхъ нами здѣсь понятій за примѣрами изъ современной нашей литературѣ, мы не можемъ умолчать и о нѣкоторыхъ произведеніяхъ даровитѣйшихъ изъ нашихъ писателей, имѣющимъ прямое призваніе быть вождями нашего умственного и эстетическаго движенія. Заслуженное ими по справедливости уваженіе не должно мѣшать безпристрастной оцѣнкѣ ихъ трудовъ. Если о совершившихся или совершающихся фактахъ позволено разсуждать, то сужденія наши должны состоять не въ одномъ описаніи происхожденія и отличительныхъ признаковъ ихъ, но и въ опредѣленіи ихъ законности, и внутренняго смысла, и преобладающаго въ нихъ духа. И когда говорится о замѣчательныхъ лицахъ, что имъ недостаетъ извѣстныхъ качествъ, которыя, по видимому, должны составлять часть ихъ естественныхъ силъ, то это значитъ не то, что за ними не признаютъ тѣхъ силъ, которыми они дѣйствительно обладаютъ, а только то, что желательно было бы видѣть въ нихъ и эти недостающія качества, какъ довершеніе ихъ превосходства. Въ тѣхъ произведеніяхъ, о которыхъ мы упомянули выше, есть много чертъ, доказывающихъ преобладающее стремленіе изображать одніи отрицательныя стороны жизни и человѣка. Правильно ли такое стремленіе? Всякая односторонность болѣе или менѣе неправильна. Все заключается въ отвѣтъ на вопросъ: для чего это дѣлается? Писатель-художникъ есть представитель благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго духа; онъ только для того вглядывается въ глубину человѣческихъ пороковъ и испорченности, чтобъ ихъ изображеніемъ отвести по возможности лучшую и еще не искаженную часть людей отъ готовности низвергнуться туда же; онъ всегда въ состояніи тутъ же указать и указываетъ имъ то прямо, то иносказательно на высшія дѣла, высшіе интересы, и силою своего таланта онъ стремится возбудить въ нихъ сочувствіе, какъ-бы снимая тѣмъ самый позоръ съ человѣчества, выставленный имъ въ яркомъ свѣтѣ. Сдѣлайте незамѣтными подобныя виды, или отклоните умы отъ всякаго представленія о возможности и необходимости лучшаго, и изображеніе отрицаній въ вашемъ произведеніи приметъ противоположный характеръ чего-то положительнаго, сатира превратится въ какую-то дикую эпосею человѣческихъ униженій, и преувеличенія, которыя она допускаетъ въ группировкѣ подробностей подмѣченнаго

его искаженія нравовъ, окажутся безобразною каррикатурою, лишенною всяческаго эстетическаго значенія, или лучше сказать, всякаго серьезнаго значенія. Не то ли мы находимъ во многихъ изъ нашихъ художественно-литературныхъ произведеній, гдѣ предметы отрицательнаго свойства рисуются такъ, какъ будто въ нихъ выражается нормальное состояніе человѣка и общества? Не являются ли здѣсь люди только для того, чтобы распахнуть надѣтне на нихъ вышнюю цивилизаціей покровы, обнаружить предъ вами свои высохшія кости, свои гноящіяся раны? Если какое-нибудь человѣческое существо мелькнетъ предъ вами съ лучшими успокоительными чертами фізіономіи, тамъ тотчасъ съ грубою ироніей готовы сказать вамъ: „Это мечта, идеализація, иллюзія; подождите минуту—свѣжій румянецъ потухнетъ на его щекахъ, и свѣтлый взглядъ омрачится какою-нибудь нивею страстию, все выѣдетъ та же несостоятельность воли или мысли и сердца, то же отсутствіе здоровья“. Вотъ весьма даровитый писатель по видимому съ живымъ участіемъ готовъ говорить о дорогихъ для его страны интересахъ и надеждахъ, объ утѣшительныхъ начаткахъ такъ-называемаго прогресса—для чего? для того, чтобы сказать въ заключеніи: „все это ничто, все это дымъ!“ Вы ожидаете, что по крайней мѣрѣ онъ пощадитъ нашу вѣру въ будущность: ибо какое мыслящее созданіе, или какой народъ могутъ существовать безъ этой вѣры? Нѣтъ! онъ глумится надъ нею: известно, что страсть къ глумленію есть язва нашего ума. Ужасъ и отчаяніе готовы охватить ваше сердце при видѣ дѣйствительности, въ которой ничего не остается, кромѣ дыма отъ лучшихъ надеждъ и усилій въ настоящемъ, и даже нѣтъ никакихъ предзнаменованій, что этотъ дымъ можетъ разсѣяться, и затѣмъ хоть нами винуи вздохнуть свободно въ чистомъ воздухѣ и на просторѣ. И это, однако, въ духѣ реализма считается воссозданіемъ дѣйствительности. Чьей же дѣйствительности? Краснокожихъ Индійцевъ или отжившаго какого-нибудь поколѣнія? Такое невѣріе въ существенныя силы своего народа тѣмъ непонятнѣе въ писателѣ, что въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ онъ слѣдовалъ другому литературному направленію. А что найдете вы въ большей части нашихъ драматическихъ произведеній? Постоянно и неизмѣнно одни и тѣ же эффекты грубого столкновенія грубыхъ инстинктовъ, игру страстей, доведенныхъ до безобразнаго опошленія, характеры, извлеченные изъ темныхъ логовищъ порока представителей всѣхъ сословій и состояній, выведенныхъ на сцену единственно для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій и состояній заклеить позоромъ неисправной:

испорченности; вы найдете мужчину безъ чести, правоты и мужества и женщину безъ стыдливости и граціи — обоихъ столько же недостойными уваженія и любви, сколько они чѣрствы, безцвѣтны, единообразны и скучны. Впрочемъ, главное въ этомъ повальномъ обезображеніи людей не то, что оно возбуждаетъ непріятное чувство: много есть непріятнаго въ жизни, что мы, какъ необходимость законнаго хода вещей должны сносить мужественно; главное въ томъ, что подобное обезображеніе есть ложь психологическая, соціальная, всяческая ложь, а ложь — такой же великій грѣхъ въ искусствѣ, какъ и въ жизни.

Явленія жизни весьма сложны. Когда вы аналитически разлагаете ихъ, вы можете уединять каждую изъ составныхъ ихъ частей; но вы не должны забывать, что образующая сила вещей никогда не оставляетъ части въ такой разрозненности, и чтобы дать созданію жизнь, она вноситъ въ нихъ извѣстный распорядокъ, одни элементы уравниваетъ съ другими и на основаніи извѣстнаго закона приводитъ ихъ къ соглашенію, къ единству. Упускающіе это изъ виду берутъ отрывки, и не углубляясь въ слагающій и организующій процессъ, который одинъ важенъ, потому что онъ одинъ зиждетъ, говорить: „вотъ вамъ вещи, вотъ жизнь“. А между тѣмъ это не вещи и не жизнь; это куски, оторванные отъ живого цѣлаго, продуктъ искусственнаго препарирования. Такой анатомическій способъ обращенія съ жизнью имѣетъ свое неотъемлемое мѣсто въ наукѣ, но художественное произведеніе именно тѣмъ ознаменовываетъ себя, что надъ его содержаніемъ господствуетъ всесвязующая и всеоживляющая идея. Всѣ изображенія въ литературѣ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ случайнаго или исключительнаго, нехудожественны, потому что они неистинны, а неистинны потому что въ нихъ отрывки выдаются за цѣлое и въ цѣломъ даютъ себя чувствовать однѣ мертвѣщія разлагающія силы, между которыми вы уже, не ощущаете присутствія духа образующаго и обновляющаго.

Но мы обратимся къ другому изъ новѣйшихъ произведеній нашей литературы, важному какъ по своему несомнѣнному литературному достоинству, такъ и по направленію, служащему главнымъ предметомъ нашего настоящаго изслѣдованія. Мы говоримъ о „Войнѣ и Мирѣ“ графа Л. Н. Толстаго. Определить общій характеръ этого произведенія весьма трудно. Въ построеніи его не видно ни органической цѣлости, ни присутствія определенной идеи, въ силу которой у писателя обыкновенно образуются какъ планъ всего произведенія, такъ и каждой его части.

Нельзя же видѣть эту идею въ философскомъ міровоззрѣніи нашего автора, къ которому можетъ относиться и не относиться все содержащееся въ его книгѣ. На его философствованіе нельзя смотрѣть иначе, какъ на прикоть даровитаго писателя, который въ промежутки отъ одного художественнаго шага до другаго забавляется легкою игрою въ понятія о законахъ человѣческаго развитія, о судьбахъ народовъ, объ исключеніи изъ нихъ всякаго участія свободныхъ личностей, и т. п. Сочиненіе „Война и Миръ“ не хроника, не исторія и не романъ; оно и то, и другое, и третье по немногу. Впрочемъ, авторъ, повидимому, имѣлъ въ виду представить въ своихъ разказахъ картину извѣстнаго періода времени, группируя разныя черты общественныхъ нравовъ и событій, подобно тому какъ путешественникъ-туристъ набрасываетъ эскизы видовъ, наиболѣе его поразившихъ въ обзорѣваемой имъ странѣ. Но авторъ нашъ не простой разказчикъ; онъ живописецъ, и живописецъ, обладающій превосходнымъ талантомъ. Есть мѣста, гдѣ черты общественныхъ нравовъ онъ воплощаетъ въ живые образы или полубразы, которые мелькаютъ передъ взорами читателя, какъ изящныя мимолетныя видѣнія, блистая необыкновенною свѣжестью красокъ, легкостью и граціей своихъ движеній. Автора преимущественно занимаетъ тотъ кругъ нашего общества, гдѣ нравы не представляютъ глубокаго ни психологическаго, ни національнаго интереса, — перваго, потому что въ нихъ рѣдко бываетъ видимо проявленіе природныхъ стихійныхъ силъ человѣческихъ, и гдѣ болѣею частію господствуетъ изысканная, ухищренная искусственность, сдавливающая чувство, умъ, всякое человѣческое стремленіе въ тискахъ условныхъ формъ, и откуда выходятъ одни хилыя, блѣдныя, измощенныя подобія или искаженія того, что здоровому человѣку по его натурѣ свойственно любить, уважать, чего желать и чѣмъ наслаждаться. Национальнаго интереса изображаемые авторомъ нравы лишены, потому что въ нихъ и до сихъ поръ такъ много чужаго, замешаннаго, начиная отъ женскихъ шиньоновъ и мужскихъ бородъ до языка. Авторъ до того хотѣлъ быть вѣрнымъ списчкомъ нравовъ эпохи, что часть своего сочиненія написалъ въ половину по русски, а въ половину по французски только потому, что его герои и героини говорили такимъ смѣшаннымъ, а чаще исключительно французскимъ языкомъ. Но для того, чтобъ быть вполне вѣрнымъ дѣйствительности и для избѣжанія пестроты въ слогѣ, не лучше ли было бы уже и все сочиненіе написать по французски, такъ какъ авторъ достаточно владѣетъ этимъ языкомъ? Мы не понимаемъ также, почему француз-

скую болтовню князень, графинь и проч., ихъ свѣтскія, сердечныя и всякія сплетни даровитый авторъ счелъ за вещи, достойныя составлять содержаніе художественнаго произведенія? Развѣ, въ смыслѣ отрицаній съ сатирическою цѣлью? Мы считаемъ себя въ правѣ едѣлать это замѣчаніе тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ автору въ изображаемомъ имъ быту удавалось встрѣчать предметы болѣе способные занимать умъ и эстетическое чувство людей мыслящихъ, тамъ и дарованіе его выказывается блистательнѣе чѣмъ гдѣ-либо: оно видимо растетъ и возвышается въ атмосферѣ, гдѣ воздухъ чище, гдѣ больше естественной теплоты и свѣта. Можно бы въ доказательство этого привести нѣсколько мѣстъ въ сочиненіи графа Толстаго, но мы ограничимся указаніемъ на сцену, гдѣ изображается смерть Болконскаго, сцену, исполненную высокаго внутреннего значенія. Немного найдемъ мы мѣстъ въ нашей литературѣ, гдѣ съ такимъ психологическимъ тактомъ и глубиностію были бы развиты симптомы одного изъ мрачныхъ и великихъ явленій человѣческой судьбы, гдѣ анализъ былъ бы такъ вѣренъ и тонокъ, а синтезисъ въ своей идеальности такъ реаленъ, гдѣ всѣ отгѣнки, переходы и постепенности событія были бы начертаны съ такою пластическою ясностію, и наконецъ, надъ чѣмъ вѣялъ бы духъ такой высокой, торжественной, трагической и вмѣстѣ съ тѣмъ простой смиренномудрой мысли, а затѣмъ и поэзіи.

Но у автора, къ сожалѣнію, готово для насъ разочарованіе. Ему, кажется, пріятно играть чувстваваніями читателя, возбуждая въ немъ попеременно то удовольствіе, то досаду. Время, имъ живоописуемое, налагало на него другую, высшую обязанность, кромѣ изображенія правовъ изъ великосвѣтскаго круга. Время это было ознаменовано такими чрезвычайными событіями, всемірными и отечественными, что человѣку съ чувствомъ передъ ними нельзя не остановиться въ раздумьи, какъ туристу нельзя остаться равнодушнымъ при видѣ цѣпи громаднхъ горъ или безпредѣльной равнины океана. Авторъ „Войны и Мира“ и остановился передъ ними. Трудно найти въ исторіи эпоху, которая, въ своемъ трагическомъ величій, предоставляла бы такіе богатые матеріалы историку-мыслителю для серьезнаго объективнаго изученія и поэту для творческихъ замысловъ. Чтѣ же дѣлаетъ нашъ авторъ? Онъ отворачивается отъ жизни, раскинувшейся въ такую необычную широту и высоту, отъ идей трепещущихъ, такъ-сказать, ея полнотою—для чего? Чтобы устремиться въ область абстрактовъ. Когда на ходъ вещей мы смотримъ съ отвлеченной точки зрѣнія, тогда естественно образуются въ умѣ нашемъ также отвлеченныя понятія

различной логической цѣнности и достоинства. Тутъ могутъ идти въ счетъ самыя разнообразныя комбинаціи, болѣе или менѣе приближающіяся къ дѣйствительности, болѣе или менѣе отъ нея удаляющіяся. Ученія, отсюда берущія свое начало, могутъ простираться въ безконечность, между тѣмъ какъ вещи, конечно, будутъ идти своимъ путемъ, ничего не зѣдая о томъ, что ими возбуждается въ умахъ. При всемъ томъ исторія таковыхъ умственныхъ движеній можетъ быть чрезвычайно любопытна и назидательна, когда они составляютъ непрерывную цѣнь, и когда они приводятъ къ результатамъ, правильно и логически извлеченнымъ изъ извѣстныхъ основаній. Она служитъ важнымъ дополненіемъ къ наукамъ о человѣческомъ духѣ, о его законахъ и отклоненіяхъ, свидѣтельствуя въ то же время о могучей архитектурно-художественной силѣ ума. Но что сказать о тѣхъ отрывочныхъ, случайныхъ умоположеніяхъ, которыя нѣбось вторгаются въ область своеобразнаго мышленія, и что сказать о попыткахъ утвердить на нихъ такое или другое мировоззрѣніе или извлечь изъ нихъ тѣ или другія выводы относительно важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества? Если бы было крайне ошибочно связывать съ ними судьбу какого-нибудь практическаго преднамѣренія, то не стоить ли ошибочнѣе подчинять имъ творческія силы искусства, которое въ своихъ идеалахъ имѣетъ дѣло только съ жизнью, съ ея законами, а отнюдь не съ отвлеченными представленіями? Авторъ „Войны и Мира“ впадаетъ именно въ эту ошибку. Ему, напримѣръ, чрезвычайно понравилось одно изъ положеній фаталистическаго умозрѣнія, что вся исторія разумныхъ существъ заключается въ бессмысленномъ движеніи народныхъ массъ, и что разумъ и воля отдѣльныхъ личностей не имѣютъ никакого участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Извѣстно, что взгляды, подобныя этому, въ области свободнаго мышленія являются, какъ симптомы его, какъ эпизоды, какъ переходные моменты въ діалектическихъ эволюціяхъ ума; но авторъ нашъ принимаетъ ихъ за настоящую философію, за нѣчто окончательное и съ доктринерною важностію возводитъ одинъ изъ нихъ въ принципъ поэтическаго творчества и художественнаго пониманія жизни и человѣчества. Конечно, въ такомъ крайѣ несправедлива, въ какомъ суждено бродить человѣку относительно познанія своихъ судебъ, всѣ гаданія одинаково неудовлетворительны; но потому-то и не слѣдуетъ легкомысленно считать рѣшеннымъ то, что никакому рѣшенію не доступно.

Авторъ „Войны и Мира“ вводитъ читателей своихъ въ обширный кругъ великихъ историческихъ и народныхъ движеній. Здѣсь есть гдѣ

человѣку проявить свои нравственныя и умственныя силы, показать, что и ему принадлежитъ извѣстная доля въ содѣйствіи такому или другому ходу вещей. Но что же? Возникаютъ положенія и событія роковыя, трагическія, а гдѣ же человѣкъ? Его нѣтъ. Есть только положенія и событія, да есть массы, толпы какихъ-то неопредѣленныхъ существъ во образѣ человѣческомъ, которыхъ направляютъ не люди, хотя бы то съ ошибочными намѣреніями, а отвлеченное понятіе подъ именемъ судьбы или чего-то въ этомъ родѣ. Оно созидаетъ для нихъ положенія, событія; одно событіе схватываетъ ихъ, перебрасываетъ въ другое и носитъ ихъ въ пространствѣ, какъ вѣтеръ, катящій лавину въ горныхъ пустыняхъ Альпъ. Общество, народъ, человѣчество—это страшная громадная машина со множествомъ стучащихъ и скрипящихъ винтовъ, колесъ и пружинокъ: для чего и для кого она работаетъ въ этой ужасной мануфактурѣ—вселенной? Гдѣ живныя, работающія силы? Кто руководитъ ими, устраиваетъ заводы, дѣлаетъ, смотря по надобности, въ машинѣ извѣстныя перестановки пружинокъ, колесъ и рычаговъ, открываетъ и закрываетъ клапаны, дополняетъ и поправляетъ испорченное или устарѣвшее, совершенствуетъ все это? Дѣла колоссальныя совершаются предъ вами. Обширное государство, Россія, въ опасности; она на краю пропасти, куда толкаетъ ее чуть не вся соединенная Европа, для нея рѣшается вопросъ: „быть или не быть“. Что же дѣлаютъ люди этой великой державы? Есть ли у нихъ желаніе, воля спасать самихъ себя, свою національную самобытность, свою честь? Чѣмъ заняты главные дѣятели, вожди народныхъ силъ? Не спрашивайте объ этомъ у исторіи, спросите у автора „Войны и Мира“. Люди рѣжутъ однихъ, и ихъ рѣжутъ другіе, вожди ссорятся между собою и интригуютъ. И будто это одно? Философствующему автору должна быть извѣстна психологическая истина, что абсолютнаго ничего не рождается въ человѣкѣ, что въ смѣшеніи добрыхъ и дурныхъ наклонностей и стремленій человѣческаго сердца, ихъ колебаніяхъ и непрерывной ихъ соприкосновенности и столкновеній только перевѣсъ однихъ надъ другими опредѣляетъ цѣнность человѣческихъ поступковъ, и что честное и благородное побужденіе нерѣдко проходитъ темную лабораторію среди весьма непривлекательныхъ дразгъ и нечистотъ житейскихъ, и въ концѣ концовъ тѣмъ не менѣе въ рѣшительныя минуты является превозмогающею пружиною ѣла. Почему же авторъ, если онъ хотѣлъ быть вѣренъ истинѣ, не обратилъ вниманія на этотъ столь возможный и естественный процессъ превращенія дурнаго въ хорошее, въ виду важныхъ причинъ,

его вызывавшихъ? Не потому ли, что это не происходило въ изображаемый имъ моментъ дѣйствительности? Но такъ какъ авторъ не представилъ неопровержимыхъ тому свидѣтельствъ, кромѣ своего утвержденія, то мы въ правѣ довѣрять болѣе общему закону человѣческой природы, чѣмъ ему, съ чѣмъ согласны и живыя преданія и исторія. Самъ Наполеонъ, у котораго никто еще, не смотря на его огромныя ошибки и эгоизмъ, не думалъ оспаривать ни обширнаго ума и сильной воли, ни военнаго гения,—самъ Наполеонъ оказывается у автора кѣмъ-то похожимъ на идиота. Далѣе, кого у автора видите вы на Бородинскомъ полѣ? Массы солдатъ; правда, они храбро дерутся, хотя по его понятіямъ, и бессмысленно. Но не дѣлаютъ ли также чего-нибудь Барклай де-Толли, Ваграціонъ, Тучковъ, Ермоловъ, Кутайсовъ, Бюловъ и проч.? Ихъ нигдѣ не видно. Одинъ Кутузовъ сидитъ на скамейкѣ и дремлетъ. Да и на чтѣ эти высшіе надъ толпою распорядители дѣла? По идеѣ автора, вѣдь все происходитъ само собою, безъ участія разума и волей индивидуальныхъ. Ранѣе Бородинскаго дня въ Москвѣ собрались ея лучшіе люди, чтобы вмѣстѣ подумать о спасеніи страны; но мы ошиблись, сказавъ: лучшіе. Это беззубые и плѣшивые старцы, почти выжившіе изъ ума, которые не въ состояніи ни о чемъ думать, кромѣ своего чрева и своего комфорта. „Вольшая часть людей того времени“, говоритъ авторъ, „не обращали никакого вниманія на общій ходъ дѣла и руководились только личными интересами настоящаго“. И эти-то люди, дополняетъ онъ забавно-парадоксальнымъ и вмѣстѣ догматическимъ тономъ, — „эти люди были самыми полезными дѣятелями того времени“. А вотъ горитъ Москва, занятая Французами. Чтѣ дѣлалось въ арміи нашей? Какъ отозвались сердца на эту грозную катастрофу? „Въ арміи“, объявляетъ авторъ, „не говорили и не думали о Москвѣ, и глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить Французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матренѣ маркитанткѣ и тому подобное“. (Часть V, стр. 189).

Такимъ образомъ однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ нашей исторіи, на которыхъ, вмѣсто маркитантки Матрены, записаны кровію многія имена лицъ, честно послужившихъ отечеству, — эти страницы исчезли въ грязной дѣйствительности, каковую угодно было автору создать въ своей фантазіи на мѣсто кровавой, бурной и достославной дѣйствительности XII года.

И не странно ли, что съ высоты крайняго абстрактнаго воззрѣнія авторъ нисходитъ до столь же крайняго реализма, гдѣ исчезаетъ вся-

кій смыслъ человѣческаго существованія. Тамъ мыслитель теряется въ туманѣ суетнаго софистическаго умозрѣнія; здѣсь художникъ, въ угоду мыслителю и вопреки своему прекрасному таланту, отнимаетъ у своего прозвѣденія достоинства, обезвѣченна ему самимъ богатствомъ матеріаловъ.

Но слѣдуетъ ли принимать такъ серьезно, какъ мы это дѣлаемъ, всѣ уклоненія автора отъ психологической и исторической истины? Можетъ-быть, онъ только шутитъ, глумится надъ жизнью и надъ всѣми ея явленіями, не исключая самыхъ важныхъ, для того чтобы показать, что все происходящее на землѣ и въ исторіи дымъ, суета суетъ, вслѣдствіе суеты? Можетъ-быть, все имъ высказанное не болѣе, какъ злая иронія и юморъ? Можетъ-быть! Надобно однако признаться, что для такой *серіозной* насмѣшливости автору недостаетъ двухъ вещей: скептическаго глубокомыслія и остроумія.

Есть многія стороны въ общественности нашей, какъ и во всякой другой, несомнѣнныя съ достоинствомъ человѣческимъ и назначеніемъ самыхъ обществъ. Мы видѣли уже, что изображеніе ихъ, какъ противоположностей прекрасному, какъ отрицаній, не чуждо искусству. Въ этихъ изображеніяхъ оно обобщаетъ пороки; но такое обобщеніе можетъ служить только средствомъ, а не цѣлю. Какихъ результатовъ мы желаемъ достигнуть, употребляя исключительно или преимущественно этотъ способъ творчества? До какой бы полноты и рельефности вы ни доводили подобныя обобщенія, ни разумъ, ни общечеловѣческое чувство, ни вы сами, конечно, не будете видѣть въ нихъ задачъ, цѣлей, возбудителей нашихъ стремленій: они суть не иное что, какъ концентрированіе противорѣчій истиннымъ основаніямъ жизни и вещей, противорѣчій, уничтожающихъ жизнь и вещи. Ихъ можно только осмѣивать, относиться къ нимъ съ однимъ презрѣніемъ и негодованіемъ, что и дѣлаетъ искусство, вооружась бичемъ сатиры. Но эти чувствованія также отрицательнаго свойства; ими жить нельзя и не на нихъ опираются дѣятельность искусства и вліяніе его на людей. Въ художественномъ міросозерцаніи не считается зло равнымъ добру, безуміе — разуму, страсти постыдныя равными героическимъ стремленіямъ. Мы презираемъ и ненавидимъ все, что не можемъ уважать и любить. Покажите же намъ это достолюбімое и достоуважаемое въ обобщеніяхъ другаго, положительнаго свойства; пусть они займутъ въ сердцѣ нашемъ мѣсто отрицательныхъ, дурныхъ пошлостей, чтобы намъ не было стыдно передъ собственной нашею природою. Вы хотите говорить только о немощности человѣка, — скажите же что-нибудь

е его слабахъ; вѣдь онъ не на одрѣ же смерти. Природа бодрствуетъ надъ нимъ и блюдетъ его жизнь, его развитіе. Не скрывайте отъ него этихъ благихъ силъ и благихъ нагнѣй природы, чтобъ онъ не подумалъ, что вы его обманываете, унижая его чрезмѣрно, какъ обманывали его тѣ, которые слишкомъ его возвеличивали. Вы, конечно, желали бы привлечь къ дѣятельности свѣжія общественныя силы, — такъ дайте же этимъ силамъ вѣру въ лучшее, чтѣ въ нихъ есть, чтѣ есть болѣе ихъ, въ дали, въ прошедшемъ, въ обѣтованіяхъ будущаго. Иначе къ чему же бы послушало возбужденіе въ сердцахъ чувствованій, враждебныхъ пороку, если въ тѣхъ же самыхъ сердцахъ вы не найдете и не укажете мѣста, гдѣ бы можно было съ надеждою бросить сѣмена для жатвы всего добраго? Въ болѣзняхъ весьма важную роль играютъ, какъ извѣстно, діагностика; но она одна не исцѣляетъ ихъ. Нужно приискать лѣкарства. Зло смягчается и уничтожается не однимъ тѣмъ, что его знаютъ, но тѣмъ, что стараются преодолѣть его силами добра. Дурныя наклонности въ человѣкѣ можно искоренять только зачатками благородства, заключающимися въ его же собственной природѣ.

То, что называютъ духомъ нравовъ и духомъ общества есть единственная великая сила, на которую можетъ опереться всякое улучшение въ обществѣ; надобно, чтобъ эта сила узнавала себя въ образахъ, и эти образы представляетъ искусство. Оно не выдумываетъ ихъ, а находитъ въ исторіи и жизни, очищаетъ отъ всего посторонняго и ставитъ на видное мѣсто; чтобъ они въ красотѣ своихъ дѣлъ передавали людямъ великія истины ихъ совершенствованія. Пусть эти истины запечатлѣются въ чувствѣ людей: ибо истина красоты дѣйствуетъ на чувство; пусть не одно какое-нибудь возбужденіе, годное для данной минуты, а все, дѣлающее человѣка способнымъ для важныхъ и благородныхъ усилій, сдѣлается закономъ для нихъ; пусть расположеніе въ честному, въ исполненію долга, а не порывъ въ нимъ будутъ наклонять умъ и руководить имъ во всѣхъ случаяхъ; словомъ, пусть явятся характеры, которыхъ такъ мало среди нашего суетливаго и одеревянаго лихорадочною дѣятельностію поколѣнія, — и если бы искусство не умѣло или не хотѣло содѣйствовать ихъ образованію, то оно заслуживало бы раздѣлить одну участь съ поэтомъ въ Платоновой республикѣ, котораго философъ совѣтуетъ убивать цѣвѣтами и высылать вонъ изъ города.

Но мы не кончили еще съ примѣрами и теперь намѣрены говорить объ „Обрывѣ“ И. А. Гончарова. Автору безспорно принадлежить

одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду писателей нашихъ по части изящной словесности. Его отличаетъ, между прочимъ, весьма важное качество — особенный тактъ и знаніе мѣры, которые должны были бы предохранять его отъ всякой крайности, если бы онъ всегда оставался имъ вѣренъ. Онъ не предубѣжденно, не тенденціозно смотритъ на природу, на человѣка, на свое общество, и эта художественная нравота и безпристрастіе спасали его долго отъ преувеличеній того, что въ природѣ можетъ показаться не прекраснымъ, а въ людяхъ постыднымъ; мы говоримъ: спасали долго, потому что, въ сожалѣніи, они спасли его не навсегда. Онъ — проницательный наблюдатель психологическихъ явленій; но его психологія не заключается въ тѣсномъ кругу текущихъ моментовъ, а простирается дальше и глубже во внутренний міръ человѣка и его отношеній. По сущности своего дарованія, по основнымъ своимъ идеямъ и по образованію онъ принадлежитъ къ разряду писателей, которые въ состояніи дать литературѣ своего народа истинно художественный, серьезный характеръ, чуждый одинаково абстрактныхъ идеализацій и низведеннаго до конюшности реализма. Относительно исполнительнѣйшей части его произведеній, у него, можетъ быть, слишкомъ много обдуманности въ составленіи плана, слишкомъ много преднамѣренной заботливости въ расположеніи частей этого плана; за то въ частностяхъ онъ свободенъ, послѣдователенъ, естественъ, нерѣдко и въжонъ и привлекателенъ до граціознаго. Черты его картинъ какъ-будто выступаютъ и группируются сами собою, такъ что вы не подозреваете вовсе руки, кладущей ихъ на холстъ; онѣ оттушовываются съ необыкновенною рельефностію. Въ этомъ особенно выражается сила его живописующаго таланта; но какъ всякая сила, она подвергается опасности злоупотреблять себя, что и случается съ авторомъ: онъ нерѣдко вдается въ излишества и повторенія подробностей. Во всякомъ случаѣ, хотя иногда наилучшими путями, однако онъ все-таки доводитъ своихъ читателей до яснаго, полнаго пониманія характера и положенія своихъ дѣйствующихъ лицъ. Притомъ языкъ г. Гончарова можетъ быть названъ образцовымъ по его чистотѣ, правильности, но тщательной отчеканкѣ каждой фразы. Многія страницы, имъ написанныя, можно дать въ руки учащимся, чтобы, вникая въ построеніе его рѣчи, слѣдя за легкими, естественными изгибами и переходами ея оборотовъ, взвѣсивая пластическую выразительность, силу и точность употребляемыхъ имъ словъ, они видѣли какъ у высоко даровитыхъ писателей своеобразіе ихъ

выраженій, нѣкъ слогу друженъ съ самимъ духомъ и основными законами языка, на которомъ они излагаютъ свои мысли.

Подтверженіе многого изъ сказаннаго адѣсь вы найдете въ послѣднемъ сочиненіи г. Гончарова: „Обрывъ“. Если бы мы писали полный разборъ этого романа, то указали бы въ немъ, между прочимъ, на личность Раѣскаго, подмѣченную въ одномъ изъ свойствъ русской природы, — личность, въ которой стремленіе къ возвышенной дѣятельности бесплодно исчезаетъ въ однихъ порывахъ и покушеніяхъ, не поддержанныхъ ни строгимъ изученіемъ подходящихъ къ ней вещей, ни постоянствомъ усилій. Личность эта, мастерски развитая и проведенная въ романѣ до конца, доказываетъ, какою тонкостію психологическаго анализа надѣленъ авторъ и какъ въ изображеніи несовершенствъ и противорѣчій человѣческаго сердца онъ умѣетъ, когда захочетъ, избѣгать, если можно такъ выразиться, скандала безусловныхъ и безпощадныхъ отрицаній. Мы указали бы на изображеніе природы, гдѣ суровыя черты ея на нашемъ угрюмомъ сѣверѣ смягчены искусною кистію, гдѣ она является въ извѣстные періоды полною той же жизни и силы, какія ей соприсущи повсюду; гдѣ прелесть нашихъ безпредѣльныхъ равнинъ, полей и лѣсовъ, облеченныхъ въ богатое убранство весны и лѣта, становится очаровательнѣе отъ близости ея къ снѣгамъ и вьюгамъ долгой зимы. Мы указали бы на другія изображенія, гдѣ нравы простаго, провинціальнаго русскаго быта являются въ привлекательномъ свѣтѣ, одинаково удаленные отъ внѣшнихъ прикрасъ заимствованной цивилизаціи и отъ грубой зачерствѣлости прежнихъ временъ. Мы указали бы на многія другія стороны романа, въ которыхъ дѣйствительность поднята до идеала безъ усилій заносчивой, самой себѣ предоставленной фантазіи. Чувствуешь, что авторъ могъ простираться такимъ образомъ далѣе по пути, указанному его свѣтлою мыслию, его естественнымъ стремленіемъ къ прекрасному; желаешь и надѣешься этого. Онъ дѣйствительно идетъ по немъ далѣе. Предъ вами возникаютъ новыя плѣнительныя образы — *Впери* и *Бабушки*; еще шагъ, и изящный литературный трудъ окажется довершеннымъ. Но вдругъ, къ изумленію нашему и ужасу совершенно неожиданно, какая-то роковая сила отбрасываетъ автора въ сторону, вы видите его скользящимъ на краю крутаго грознаго обрыва, онъ спотыкается — несчастная минута — онъ падаетъ и роняетъ съ собою лучшія созданія свои въ самую глубь грязи. И это несчастіе, которому виною эстетическая оплошность автора, произошло съ бѣдными женщинами. Передъ нами на сценѣ

три женщины. Въ основѣ ихъ характеровъ лежатъ идеи, по которымъ автору при свойственномъ ему искусствѣ исполненія, онѣ должны были занять первыя мѣста въ романѣ. Одно изъ этихъ лицъ простое, шлое, цвѣтущее созданіе, типъ русской дѣвушки, какою является она въ средѣ провинціальной жизни; ей недостаетъ высшаго образованія, но въ ея натурѣ лежатъ прелесть естественнаго добродушія, инстинктъ здраваго ума и залогъ счастья семейнаго. Сердце ея исполнено теплоты и благоуханія первой юношеской любви; она хочетъ любить, но любить законно; а закономъ для себя она считаетъ волю своихъ кровныхъ руководителей. Этимъ, можно сказать, истерпявается идеаль русскаго женщины до настоящей эпохи. Но это далеко не полный ея идеаль, на который указываетъ дальнейшее развитіе ея духа. Коснуться этого идеала, обозначить его первыя проблески предстояло автору, и онъ рѣшился на то. Русская женщина одарена богатыми умственными силами; съ пробужденіемъ національнаго духа, съ возбужденіемъ умовъ въ самостоятельной умственной дѣятельности, въ ней самой возбуждаются эти силы. Хотя она стоитъ еще близко отъ рубежа, отдѣляющаго настоящее отъ прошедшаго, однако она уже готовится идти на встрѣчу своей совершенствующейся будущности, гдѣ съ исполненіемъ семейнаго долга, составляющаго священное и важнѣйшее призваніе женщины, соединиться должно развивающееся непрерывно горячее сочувствіе ко всему прекрасному и великому въ жизни, природѣ и искусству. На этомъ-то глубокомъ и необходимомъ сочувствіи, составляющемъ какъ-бы вторую неотъемлемую половину женской натуры, авторъ „Обрыва“ основалъ характеръ своей героини, Вѣры. И характеръ ея, вылитый, такъ-сказать, изъ этого многоцѣннаго матеріала, означенъ, какъ и слѣдовало ожидать, чертами высокой нравственной и умственной красоты. Вѣра стоитъ на той исторической ступени, гдѣ начинается обновленіе русскаго женщины, какъ и вообще всего русскаго народа; еще несвязанная никакими житейскими отношеніями, свободная въ сознаніи своихъ душевныхъ силъ, она съ волненіемъ радости и удивленія смотритъ на широкую открывающуюся ей даль; грудь ея воздымается отъ прилива новыхъ ощущеній, которыхъ еще никто не испытываетъ изъ окружающихъ ее, и умъ предается вопросамъ, которыхъ никакой учитель ей не задавалъ. Она проснулась раньше обыкновеннаго и вышла на утреннюю прогулку на встрѣчу величественному утру, когда иные изъ домашнихъ еще спали, а другіе едва пробудились,—и неудивительно, что она очутилась одинокою посреди по-

той и дѣсовъ своей родины. Куда же она пойдетъ дальше, что съ нею случится? Уви́ съ нею случилось нѣчто весьма недоброе, съ нею повстрѣчался разбойникъ, который не убьетъ ее, но ограбитъ у нея драгоценнѣйшее сокровище—ея дѣвственный стыдъ и ея вѣру въ то прекрасное и великое, что привѣтствовало ея сердце въ ея смутныхъ думкахъ и гаданіяхъ. Мы не станемъ вдаваться въ подробности всего, что произошло въ романѣ, потому что, какъ уже сказали, мы не пишемъ полного его разбора, да и потому что, намъ грустно припоминать тѣ красоты изложенія, которыя истрачены авторомъ на самое небогодарное дѣло — чтобы доказать возможность невозможнаго и придать занимательность безобразнику. Вѣра, это благородное, величавое, гордое созданіе, дѣлается мясомъ для насыщенія гнуснаго аппетита гнуснѣйшаго изъ чудовищъ въ человѣческомъ образѣ: ^{+Мария Володина} Свѣжая благоухающая роза разцвѣтающей русской жизни, оторванная прихотью автора отъ своего стебля, брошена къ ногамъ грязнаго пинника, который топчетъ ее, какъ бессмысленное скверное животное. Что хотѣлъ этимъ сказать авторъ? Хотѣлъ ли онъ выразить несостоятельность нравственнаго настроенія духа въ человѣческой, или женской природѣ предъ могуществомъ матеріальныхъ инстинктовъ вообще? Но поднимая такъ высоко личность изображаемой женщины, онъ возлагалъ на себя обязанность не столкнуть ее просто въ помойную яму, а объяснить достаточными причинами возможность ея внезапнаго паденія съ высоты, ею занятой. Гдѣ та внутренняя необходимость, изъ которой оно слѣдовало бы, и которая одна могла—если не оправдать, то объяснить его? Ниспроверженіе прекраснаго и великаго въ человѣкѣ можетъ совершиться только посреди трагическихъ бурь и покушеній, и авторъ не оказываетъ должнаго уваженія къ человѣку и истинѣ, если вводитъ его въ свое твореніе какъ одну изъ неважныхъ случайностей или какъ игру своего воображенія. Пусть пресмыкается рожденное пресмыкаться,—такъ и описывайте его; но то, чему предназначено или удалось стать на высшую ступень существованія, можетъ быть сброшено съ нея только силою, достойною войти съ нимъ въ борьбу. Изображеніе подобныхъ явленій составляло всегда и составляетъ одну изъ трудныхъ и вмѣстѣ глубокихъ задачъ искусства.

Фактъ, допускаемый авторомъ въ своемъ романѣ, не есть ли насмѣшка надъ человѣкомъ въ родѣ той, какую позволяетъ себѣ Мефистофель въ „Фаустѣ“, говоря, что какъ человѣкъ ни возносись своимъ духомъ, а въ концѣ концовъ онъ все таки сунетъ носъ свой въ

грязь. Но впервыкъ, у Мефистофеля ужъ такая специальность, чтобы посрамлять и унижать все человѣческое, а ввторыхъ, Фаустъ все-таки находитъ въ самомъ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы не сдѣлаться совершенно тѣмъ, чѣмъ хочетъ сдѣлать его коварный представитель зла. Да притомъ авторъ нашъ всѣми истинно прекрасными произведеніями своими доказалъ, что онъ неспособенъ такъ глумиться надъ истинами нашего сердца и духа, единственно потому, что онъ не лживъ. Женщина благородная съ развитымъ и изощреннымъ чувствомъ чести можетъ быть обманута хитрою тактикою соблазнителя, можетъ быть обольщена призракомъ любви и счастья, который мелькаетъ ей въ образѣ искуснаго ловителя женскихъ невинностей, какого-нибудь Ловласа или Донъ-Жуана, можетъ даже прельститься человѣкомъ, не обладающимъ изящною внѣшностію, если въ немъ проявляется что-нибудь заслуживающее уваженіе; были и такіе случаи, что молодая прекрасная дѣвушка отдавалась старику, который сумѣлъ подѣйствовать на ея воображеніе и очаровать ее блескомъ своего ума и характера; она можетъ, наконецъ, быть увлечена „въ обрывъ“ потокомъ и волнами своей горячей крови, — все это можетъ быть, и все это мы можемъ понять. Но Вѣра не обманута, не обольщена, не увлечена чувственностію. Виновникъ ея паденія не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя въ состояніи заставить женщину забытья, особенно такую, какъ она, въ состояніи помочь ея воображенію сколько-нибудь украсить дикое безобразіе лица, помогающагося власти надъ ея сердцемъ. Напротивъ, онъ есть совершенная противоположность чистотѣ, благородству, силѣ ея характера. Она чувствуетъ потребность любить, это естественно, — но она хочетъ любить сердцемъ, а онъ предлагаетъ ей любовь скота. Онъ нападаетъ на нее прямо, безъ церемоній, какъ дикій звѣрь, ни мало не скрывая отъ нея своихъ грубыхъ животныхъ влеченій. Какъ же это при такой отвратительной наглости, при такой наготѣ отъявленнаго разврата у героини „Обрыва“ не нашлось столько самоуваженія и сознанія своего человѣческаго и женственнаго достоинства, чтобы понять свое положеніе и исполнить свою роль, какъ прилично всякой, даже обыкновенной женщинѣ, не лишенной нѣкотораго вниманія къ самой себѣ и къ естественнымъ прерогативамъ своего пола? Вѣдь Вѣра существо разумное и свободное; она и сознаетъ въ себѣ право разума и свободы лучше, чѣмъ многія другія. Какъ же она не могла съ презрѣніемъ отвернуться отъ негодяя, который осмѣлился ставить ее наравнѣ съ собакой, или другимъ животнымъ и считать ее не болѣе,

какъ одною изъ тѣхъ вещей, которыя онъ воруетъ, бродя по окрестностямъ? Но вѣроятно, могутъ возразить намъ, Вѣра потому преклоняется передъ Волоховымъ, что видитъ въ немъ олицетвореніе новыхъ идей, запавшихъ въ ея душу. Нѣтъ! Такое олицетвореніе, какое представляется ей въ лицѣ Волохова, скорѣе должно возбудить въ ней полную недовѣрчивость къ проповѣдуемымъ имъ ученіямъ и отвращеніе къ самому проповѣднику; вѣдь ея новыя идеи не имѣютъ ничего общаго съ этимъ продуктомъ нравственной и эстетической испорченности. На нее новыяе душою новаго умственнаго и общественнаго движенія; но тѣ зачатки этого движенія, какіе она обнаруживаетъ въ себѣ, могутъ внушать только надежды высокія и утѣшительныя. Должны ли онѣ имѣть такой печальный исходъ?

Можетъ-быть, Вѣра надѣялась, что жертвуя собою, она силою своей любви исправитъ Волохова и возвратитъ его перерожденнымъ и улучшеннымъ здравому разсудку, чести и обществу? Но какъ могла бы прійти ей въ голову такая Донъ-Кихотурская мысль подлѣ тѣхъ рѣшительныхъ заявленій, которыя онъ дѣлалъ о себѣ и словомъ и дѣломъ? Да проститъ намъ глубоко уважаемый нами авторъ, когда мы скажемъ, что все это есть ужасная психологическая ошибка и ничѣмъ не оправдываемая вина противъ женщины вообще, и въ особенности противъ женщины русской.

Вотъ и другая адоровая, прекрасно сложенная женщина подверглась у него не нужной ампутаци и искалѣченію: это—Вябушка. Случалось ли вамъ изъ непривлекательной среды, которая окружаетъ васъ со всюю обманчивостію вашихъ лучшихъ ожиданій, всякаго рода жамы,—случалось ли вамъ воспоминаніями вашими убѣгать изъ нея для отдыха и успокоенія въ тихій пріютъ вашего дѣтства, въ какую-нибудь провинціальную глушь, гдѣ ничего не ожидалось, ничего могого не предпринималось съ тѣмъ, чтобы не исполниться, и все коснуло въ дѣдовскихъ старинныхъ порядкахъ? Не встрѣчался ли вамъ тамъ между прочими лицами образъ старушки бабушки вашей или тетюшки—простодушной, доброй, привѣтливой не безъ чувства своего достоинства, подъ часъ ворчливой хлвотухи, но всегда готовой подарить васъ ласковымъ взглядомъ или теплымъ поцѣлуемъ, и когда вы были ребенкомъ, какимъ-нибудь лакомствомъ? Умъ ея необразованъ и нечуждъ предрассудковъ; но въ тѣсныхъ своихъ границахъ онъ ясно и вѣрно отражаетъ все къ нему близкое, подобно чистому ручью, въ который смотрятся разсѣянные на берегахъ его кустарники и деревья. Въ лѣтахъ преклонныхъ, она держится прямо, ходитъ бо-

дро, усердно и разумно занимается воздѣйствием и естественном добротвор своемъ умѣетъ приобрести даже любовь людей, которые приучены были скорее не тому, чтобы бояться, чѣмъ любить. Вотъ эту то типическую старушку, олицетвореніе русскаго природнаго ума и добродушія, вы можете, даже не забываясь своею мечтою въ даль прошедшаго, увидѣть въ романѣ г. Гончарова. Но увы! авторъ не помянулъ также ни ея достопочтенныхъ сѣдинъ, ни ея прекраснаго типическаго значенія. Онъ заставляеть ея, для утѣшенія своей внучки, удрученной раскаяніемъ, признаться, что и съ нею случилось нѣкогда горе, подобное ея горю. Такимъ образомъ старій вѣкъ русской женщины столкнулся съ новымъ, и оказалось, что въ обѣ эпохи какъ ни хороша эта женщина, а безъ скандала ей нельзя быть.

Вирежемъ, какая же важность, замѣтитъ иной читатель, что Бабушка заплатила дань человѣческой слабости, согрѣшила въ молодости. Это не помѣшало ей быть тою милою, доброю старушкою, которая все таки лучше многихъ другихъ, даже никогда не грѣшившихъ. Но мы опять спросимъ у автора: ма что это, почему ему понадобился именно этотъ способъ ослабить то отрадное эстетическое впечатлѣніе, которое онъ возбуждалъ въ читателяхъ мастерскимъ изображеніемъ этой личности? Для того, могутъ возразить намъ, чтобы эта личность не показалась слишкомъ идеализированною. Для этого надобно было придать ей реальность посредствомъ прегрѣшенія, — а вѣдь чѣмъ же женщина можетъ болѣе согрѣшить, какъ не любовью? Но по истинѣ, это похоже на то, какъ у насъ во время оно обращались съ вѣрнопостыми: какъ ни будь хороши русскій человѣкъ, а все-таки надобно его посячь, для того, чтобы онъ не зазнавался и не слишкомъ возносился милостями своего барина. То, что авторъ допустилъ въ своемъ романѣ, просто натяжка въ пользу реализма или въ пользу невѣстнаго чего, и натяжка, похожая на шутку. Бабушкины нравственный промахъ не возбуждаетъ въ насъ вовсе того серьезнаго чувства, которое рождается вслѣдствіе ясно сознаваемой необходимости факта, удаляющей всякую мысль о преневоленіи или видумкѣ. Противорѣчій много въ человѣческой натурѣ; но съ ними надобно обходиться осторожно, не забывая, что и они имѣютъ своего рода логику.

Надобно бы говорить еще объ одномъ изъ главнѣхъ действующихъ лицъ „Обрива“ Волоховѣ. Но повторяться, мы не имѣемъ полнаго разбора романа. Замѣтимъ только, что какъ, повидимому, ха-

фактъ этого, лица находятъ авторамъ не въ дѣлѣ сумасшедшихъ, до надлежало бы догадаться, какими образомъ, онъ сдѣлался возможнымъ; ибо естественная природа сама собою не производитъ такихъ, разн. валонъ безсправедливости.

Что жъ доказываютъ приведенные нами примѣры? То, что наша современная художественная литература, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ея явленій, не находится на высотѣ своего призванія. Главный недостатокъ ея, какъ читатель могъ видѣть изъ предыдущихъ нашихъ объясненій, заключается въ томъ, что реальный элементъ, составляющій такую неоспоримую глубокую потребность искусства, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ ея произведеній, она понимаетъ слишкомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въмѣсто того, чтобы слѣдуя за жизнью, восходить къ положительнымъ центральнымъ ея представленіямъ, и связанная многостороннее дѣйствительное съ идеальнымъ, распространять вліяніе и могущество прекраснаго, составляющаго для людей высшую реальность, она останавливается на однихъ частностяхъ, на однихъ непрерывно измѣняющихся волненіяхъ вещей, гдѣ естественно ей предстоитъ имѣть дѣло большею частію съ отрицаніями, не питающими, а только раздражающими чувство. Въ этомъ ли одномъ долженъ состоять отличительный національный характеръ нашей литературы? Мы по справедливости гордимся богатствами нашего языка, которымъ предстоитъ сдѣлаться предметомъ изученія и для иностранцевъ. Не должны ли мы дать имъ способъ для этого изученія въ произведеніяхъ болѣе достойныхъ нашей мыслительности, нашего эстетическаго чувства и нравовъ?

На всякомъ человѣческомъ дѣяніи лежитъ извѣстная доля отвѣтственности, на литературѣ также, а на нашей, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ на какой-либо другой. Извѣстно, что наша художественная литература возникла не изъ среды общества; она пришла къ намъ, такъ сказать, съ верху. Отсюда произошло замѣчательное явленіе. Общество повидимому мало о ней заботилось; но какъ и при недостаточномъ развитіи умственномъ и эстетическомъ, оно все-таки склонилось къ новымъ образовательнымъ идеямъ, то художественная литература, въ качествѣ одного изъ ихъ главныхъ органовъ, приобрѣла характеръ силы руководящей и въ значительной степени удерживаетъ этотъ характеръ нынѣ, и конечно, не перестанетъ его удерживать. Итакъ, если вообще справедливо, что искусство и общество находятся въ отношеніяхъ взаимнаго вліянія другъ на друга,

то на искусство лежитъ долгъ воспитывать и просвѣщать присущее обществу эстетическое чувство художественнымъ выраженіемъ того, что лежитъ въ сущестѣ его задачи, другими словами, дѣйствіе, которое оно производитъ на общество, должно происходить изъ его принципа, а не изъ какихъ-либо другихъ побочныхъ обстоятельствъ.

А. Ничигенно.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія рескрипты.

	СТРАН.
Императорскому русскому археологическому обществу	3
На имя действительнаго статскаго совѣтника Нарышкина	27

Высочайшія повелѣнія.

1. 3-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Саратовскомъ городскомъ Александровскомъ училищѣ	4
2. 3-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	—
3. 3-го декабря 1871 года. О предоставленіи конференціи Императорскаго историко-филологическаго института права выдавать свидѣтельства на званіе учителя уѣднаго училища	5
4. 3-го декабря 1871 года. О дарованіи Херсонской женской гимназіи наименованія „Маріинской“	—
5. 3-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Саратовскомъ городскомъ Александровскомъ училищѣ	—
6. 2-го декабря 1871 года. О введеніи съ начала 1872/73 учебнаго года въ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго обученія чтенію и письму по русски	6
7. 3-го декабря 1871 года. О присвоеніи отрываемому въ селѣ Рождественскомъ, Коротынка тожъ, Ливенскаго уѣзда,	

Орловской губерніи, начальному народному училищу наименованія „Дмитріевскаго“	—
8. 3-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи въ Царскосельской Николаевской мужской гимназій	7
9. 8-го декабря 1871 года. О возстановленіи въ селеніи Майданъ-Княжпольскомъ, Люблинской губерніи, греко-униатскаго прихода	8
10. 7-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи въ городѣ Бердянскѣ гимназій	—
11. 7-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи пяти новыхъ учительскихъ семинарій	10
12. 20-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Виленскомъ высшемъ женскомъ училищѣ	11
13. 20-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи въ Саратовскомъ Александровскомъ училищѣ	12
14. 20-го декабря 1871 года. О правахъ по службѣ нѣкоторыхъ учителей приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ	28
15. 20-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при Саратовской гимназій	—
16. 20-го декабря 1871 года. Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназій	29
17. 20-го декабря 1871 года. О предоставленіи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ должностнымъ лицамъ, преподавателямъ и воспитанникамъ учительскихъ семинарій и школъ	30

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

3-го декабря 1871 года (№ 27)	12
20-го декабря 1871 года (№ 28)	32
1-го декабря 1872 года (№ 1).	—

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

17-го декабря 1871 года	33
24-го декабря 1871 года	35

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 27-го ноября 1871 года. Положеніе о стипендіи при Красноярской гимназій генералъ-маіора Павла Николаевича Заматина	13
---	----

2. 3-го декабря 1871 года. Правила о стипендіи имени Тульскаго губернскаго предводителя дворянства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Петровича Минина, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	14
3. 4-го декабря 1871 года. Правила о стипендіи и единовременномъ пособіи Василя Петровича Боткина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	15
4. 18-го декабря 1871 года. Правила для замѣщенія казенныхъ пансіонерскихъ стипендій въ Виленскомъ высшемъ шестиклассномъ женскомъ училищѣ	16
5. 18-го декабря 1871 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Каменецъ-Подольской гимназій	18
6. 18-го декабря 1871 года. Объ измѣненіи § 2 устава состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ русскаго химическаго общества.	21
7. 27-го ноября 1871 года. Положеніе о ссудо-сберегательной кассѣ при Лебедянскомъ уѣздномъ училищѣ	51
8. 7-го декабря 1871 года. Положеніе о двухъ стипендіяхъ Суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія, при Харьковской 2-й гимназій, съ присвоеніемъ одной изъ нихъ наименованія „стипендіи Θεодосія Θεодосіевича Воропанова“	54
9. 15-го января 1871 года. Положеніе о стипендіи Григорія Федоровича Гоголя	55
10. 15-го января 1871 года. Положеніе о стипендіи имени господина министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстого, учрежденной при Вобруйской прогимназій	57
11. 15-го января 1871 года. Положеніе о стипендіи господина министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстого при Брестской прогимназій	—
12. 22-го января 1872 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Александровской Старобѣльской прогимназій	59

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го ноября 1871 года (№ 23)	21
11-го декабря 1871 года (№ 24)	22
18-го декабря 1871 года (№ 25)	24

ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

8-го января 1872 года (№ 1)	63
---------------------------------------	----

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВЕЩЕНІЯ.**

СТРАН.

О книгѣ: „Хлѣбъ насущный, или краткое объясненіе молитвы Господней, символа вѣры и заповѣдей Божіихъ“. Н. Смирнова	25
О книгѣ: „Доброе чтеніе православнымъ“	—
О книгѣ: „Геометрическія приложенія къ именованнымъ числамъ. Для учителей народныхъ и полковыхъ школъ“	—
О книгѣ: „Церковная грамота“. В. Д.	64

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Мысли о реализмѣ въ литературѣ. А. В. Никитенко	1
Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковского университета. Н. А. Лавровскаго	57 и 197
Обращеніе Гедемина въ католичество. В. Г. Васильевскаго.	135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи. А. С. Будиловича	107
Западно-русскія археографическія изданія. М. О. Колловица	248

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИ.

Городскія училища Берлина съ экономической и административной стороны. А. І. Кочетова	1
Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ высшей народной школѣ. С. И. Миропольскаго	22
Мнѣнія иностранныхъ педагоговъ въ северной Германіи, Венденѣ, Виртембергѣ и Бельгіи о проектѣ устава реальнѣхъ училищъ въ Россіи. И. В. Штейнмана	95
Русскія письменныя упражненія гимназическаго курса. Ив. В. Газрилова	117
Замѣтка о преподаваніи математики въ нашихъ гимназіяхъ. К. Мазина	162
Уставъ гимназій и прогимназій 30-го іюля 1871 года. Г. И. Кандкова	174

	СТРАН.
Еще объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ русской грамматики. <i>Н. П. Некрасова</i>	209

Наша учебная литература.

Краткая этимологія греческаго языка для начинающихъ. <i>А. Юркевича</i>	240
Опытъ элементарнаго руководства при изученіи греческаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. <i>П. Нищинскаго</i>	241
Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества. <i>М. Ф. Заменюфа</i>	248

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) гимназій и в) низшихъ училищъ.	1 и 156
Второй археологическій съѣздъ.	69
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Л—ръ</i>	88
Вѣдомость двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ и иногородческихъ училищахъ, открытыхъ съ 1866 года по январь 1872 года	103
Краткій отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, съ 11-го мая 1870 по 1-е января 1872 года	116
Обозрѣніе дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ	141
Письмо изъ Берлина. <i>П. Висковатова</i>	210
Извѣстія и замѣтки	230

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ.